

Трилогия
в одном
томе

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

Терра ИНКОГНИТА

Москва, 2016

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

Трилогия
в одном
томе

- Эмигранты •
- Век железа и пара •
- Эра надежд •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 2005 году
Выпуск 149

Художники
И. Воронин, О. Бабкин

Величко А. Ф.

В27 Терра инкогнита: Эмигранты; Век железа и пара; Эра надежд. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 634 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2194-7

Романтика южных морей, острова в океане, аборигены, пираты, мушкетеры и конкистадоры... Как все это не похоже на серую жизнь, которую ведет молодой учитель истории! И как ему хотелось бы хоть одним глазком увидеть подобное!

Талантливый ученый, несмотря на смертельную болезнь, успел закончить главную работу своей жизни, но умирать ему все равно не хочется. Так, может, рискнуть, ведь шанс есть?

Бывший фронтовик, а ныне кое-как доживающий отпущенный ему срок пенсионер не жалеет ни о чем в прошлом и почти ничего не ждет от будущего. Хотя, конечно, ему интересно было бы повидаться с исчезнувшим двадцать лет назад другом.

А на свете, оказывается, есть место, где желания этих троих могут пересечься. Оно называется...

Но лучше не будем забегать вперед.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2194-7

© Величко А. Ф., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

• Эмигранты •

ПРОЛОГ

Сэр! Посылаю вам краткое резюме доклада об объекте «Опытное хозяйство 13–27», фигурирующем у нас как «Школа медиумов».

Итак, на основании тщательной проверки, проведенной в рамках международной программы «Байкал-92», можно утверждать следующее.

С момента своего образования в 1981 году «ОХ 13–27» являлся совместным проектом КГБ и АН СССР, предназначенным для дезинформации вероятного противника. С точки зрения наших специалистов, в нем проводилась только видимость исследований. Результаты, зафиксированные в журналах экспериментов, на имеющейся аппаратуре воспроизведены быть категорически не могут. Сведений о наличии какой-либо иной аппаратуры, кроме осмотренной, не найдено.

Ориентировочно в середине 1987 года приоритеты в работе объекта изменились. Не прекращая попыток нашей дезинформации, персонал объекта явно начал заниматься тем же самым и в отношении своего руководства. Судя по всему, в целях личного обогащения. Заведующий второй лабораторией доктор физ.-мат. наук И.А. Баринов исчез 25 мая 1991 года. Якобы утонул, катаясь на лодке по Байкалу, но ни тела, ни лодки найдено не было. Прибывшая комиссия зафиксировала значительные нецелевые траты, но ее работа была прервана в августе в связи с общеизвестными обстоятельствами и больше не возобновлялась. К моменту приезда нашей группы все научные и инженерные кадры объекта уже уволились, функционировала только охрана.

Вывод:

Дальнейший мониторинг «ОХ 13–27» предлагаю прекратить. В связи с планируемой приватизацией мною ориентирована фирма «Тенком», бывший кооператив «Дары Байкала», на приобретение аппаратуры объекта, после чего операцию «Школа медиумов» можно будет считать законченной.

ГЛАВА 1

— Иди сюда, хвостатый, ну что ты там опять изображаешь из себя старую развалину, — попенял я своему коту Ньютону. — Не стану поднимать, на стол ты прекрасно можешь запрыгнуть и сам, а у меня что-то опять радикулит разыгрался. В конце концов, день рождения сегодня не только у тебя, но и у твоего хозяина. Будешь кочевряжиться — про все блюда не гарантирую, но вот икру точно съем без остатка, ее тут немного. И лососем закушу.

Где-то с минуту кот оценивал серьезность моих намерений, а потом, укоризненно муркнув, одним махом взлетел на стол. Не так легко, как в молодости, но все же.

— Не смущайся, — пододвинул я к нему миску со сливками. Впрочем, вот уж чего-чего, а излишней деликатности в Ньютоне не наблюдалось с первых дней его долгой жизни. А сегодня ему стукнуло двадцать лет. Для кошек — весьма солидный возраст. Ну а мне — восемьдесят пять, для людей это тоже много. Очень много, я никогда и не надеялся столько прожить. Однако вот как-то получилось, сижу теперь тут с котом и праздную двойной юбилей. Впрочем, скорее всего, в последний раз. И не потому, что собираюсь в ближайшее время помереть или, упаси господь, ожидаю такой подлянки от Ньютона. Просто скоро нам с хвостатым предстоит дальний путь.

Первый шаг к нему был сделан двадцать лет назад, когда скромный пенсионер Алексей Романцев, то есть я, сел в поезд «Россия» и поехал в Иркутск. Да, на самолете было бы быстрее, но в те далекие времена для приобретения железнодорожного билета не требовалось показывать паспорт, что имело определенное значение. Не то чтобы я ехал нелегально, но оставлять какие-либо отметки об этом вояже было нежелательно. Что я там забыл? В общем-то ничего, но меня попросил о помощи мой старый друг Илюха Баринов.

Познакомились мы с ним под Кишиновом в сентябре сорок четвертого года. Оба после школы пошли в армию и оказались в одном и том же БАО, где и служили до конца сорок седьмого года. Потом наши пути разошлись — я поступил в Горьковское военное училище техников связи, а Илья демобилизовался и вскоре стал студентом физфака МГУ.

Следующие двенадцать лет мы почти не встречались, но в шестидесятом капитан Романцев попал в «миллион двести»¹. Помню, было даже немного обидно, но не так чтобы очень. Я вернулся в Москву, к родителям, и с помощью Ильи, к тому времени ставшего фи-

¹ «М и л л и о н д в е с т и» — именно столько военных специалистов списал из армии Н.С. Хрущев, положившись на наш «ракетный щит».

зико-математическим кандидатом, устроился работать инженером в ФИАН¹, где и проторчал до самой пенсии.

Я пополнил собой ряды пенсионеров в приснопамятном восьмидесятом году. Вообще-то можно было продолжать работать, но сын сказал мне, что это следует делать только в том случае, если оная работа мне безумно интересна и жизни без нее я не мыслю. Если же речь идет о разнице между пенсией и зарплатой ведущего инженера, то он готов ежемесячно выделять мне вдвое большую сумму просто так, из благодарности, что я в свое время принял участие в появлении его на свет. Если же я решу помогать ему в его многотрудных занятиях, то тут речь пойдет уже совсем о других деньгах.

Он был радиомастером в телеателье и, кроме того, весьма неплохо подрабатывал на левых ремонтах импортной техники.

Потом началась перестройка. От ремонтов и изготовления аппаратуры на заказ мы плавно перешли к торговле малайзийскими видеоманитофонами, затем помаленьку занялись компьютерами, так что к моменту развала Союза мой сынуля был уже весьма обеспеченным человеком. Но незадолго до этого события случился тот самый мой вояж в Иркутск, на котором надо остановиться подробнее.

В феврале девяносто первого года в Москву приехал Илья Бариннов. Он с начала восьмидесятых работал в каком-то жутко секретном месте, являясь в столицу только в отпуск, да и то не каждый год.

— Леш, нужна твоя помощь, — сразу сказал он мне. — Тут такое дело... в общем, я могу рассказать более или менее подробно, но сразу предупреждаю — поверить будет непросто. Так мне рассказывать или просто сообщить, чего я от тебя хочу?

— Совсем ты там одичал в своей тайге, — попенял я ему. — Рассказывай, и, может, мне водку достать?

— Если только тебе. У меня лейкемия, и с той дрянью, которой мой организм пичкают медики, водка никак не сочетается. Да погоди ты строить сочувствующее выражение лица! Лучше налей себе чаю, раз уж в одиночку пьянствовать не хочешь, и слушай.

Не знаю, отчего Илья решил, что мне трудно будет поверить в его рассказ. Разумеется, если бы подобное сообщили по телевизору, то реакция была бы однозначной — брехня. А тут... подумаешь, избрел человек машину времени. Почему бы и нет, если с мозгами у него все в порядке. Так что я спокойно его выслушал и спросил:

— А меня с собой почему не приглашаешь?

¹ Физический институт Академии наук им. Лебедева.

— Да потому что сейчас все забросы идут наобум! Вероятность успешного завершения процесса чуть меньше половины. Мне все равно не протянуть больше двух лет, так что меня и десять процентов устроили бы, но рисковать твоей жизнью я не могу и не буду.

— И чем же тебе перспектива помереть через те же два года, но в прошлом, кажется более привлекательной?

— Слушай дальше. На крысах совершенно точно установлено, что перемещение туда приводит к полному оздоровлению организма. Если в прошлое забрасывалась старая крыса, то она там довольно быстро молодеет примерно до годовалого возраста, то есть самого расцвета сил. Больная, даже раком — выздоравливала. Причем одна крыса прожила там полгода и практически не постарела за это время. Обратный же переход действует наоборот, так что это в любом случае дорога в один конец.

В общем, выяснилось, что имеющаяся аппаратура умеет посылать примерно лет на триста назад, более точно выяснить не удалось. Потому как приемлемая наводка получается только при использовании центра Земли в качестве ориентира и строго на другую сторону шарика, а определить точную дату посреди океана не так просто. Поначалу бывали случаи, что перебрасываемый объект оказывался на километр выше или ниже поверхности воды, но сейчас удалось добиться приемлемой точности порядка двух метров по вертикали.

— ...И последнее, — подытожил свою речь Илья. — То, что я сейчас рассказал, хоть и носит гриф секретности, но считается мистификацией. А вот то, что объект, на котором я сейчас работаю, предназначен исключительно для дезинформации вероятного противника, — это я тебе разглашаю совершенно секретную информацию. Почти все мои сотрудники уверены, что результаты экспериментов — подтасовка, как, собственно, и задумывалось при создании объекта. Но это еще не все. Последнее время в наш центр закачиваются просто ненормально большие средства, которые потом неизвестно куда исчезают. И оказаться замешанным вот в это мне кажется весьма и весьма опасным. Так что, если соберешься мне помогать, подумай, как сделать это незаметно.

У меня действительно получилось, не привлекая особого внимания, привести в порядок купленную Ильей большую моторную лодку и даже кое-как подготовить ее к океанскому плаванию, для чего пришлось настелить палубу, приделать шверт и установить мачту. И утром двадцать пятого мая я остался на берегу, а лодка отчалила, удалилась от берега примерно на полкилометра и исчезла. Я осмотрелся — вокруг безлюдно, вряд ли кто-нибудь заметил только что случившееся исчезновение. Когда вызванная им небольшая волна

достигла берега, я разобрал и зачехлил удочки, накинул рюкзак и пошagal в сторону Листвянки, до которой было километров пятнадцать. Оттуда ходил автобус в Иркутск.

Вернувшись в Москву, я получил отправленную в багажном вагоне стиральную машину «Рига-17» — прощальный подарок Ильи. Довольно странный подарок, если не знать, что, несмотря на заводскую упаковку, стирать этот механизм ничего не может.

Дома я вытащил его из обрешетки, открыл крышку, под которой оказался не бак, а нечто вроде пульта с четырьмя тумблерами, тремя реостатами, пятью светодиодами, кнопкой сброса и амперметром на двести ампер. Крайний светодиод горел. Порадовавшись, что друг нормально перенес путешествие в прошлое, я нажал кнопку «сброс», и по идее Баринов сможет принять посланный при этом сигнал. В следующий раз этот светодиод загорится, когда Илья достигнет суши. Ну и потом он время от времени будет активировать этот канал, означающий, что у него там все хорошо. Жалко, что таким путем нельзя организовать оперативную связь, но Илья объяснил, что для уверенного приема аппаратура должна передавать сигнал не меньше недели, да и то в строго определенные периоды.

Но всего каналов связи было три. Сигнал по второму будет означать, что ему там удалось настроить маяк и стиральную машину можно использовать по прямому назначению, то есть для путешествия в прошлое, но при этом надо спешить, потому что маяк получился не очень устойчивым. Ну а активация третьего — это все замечательно, можно не спешить, на подготовку не меньше года. И реостаты, регулирующие размер зоны захвата, можно ставить в максимальное положение, что будет означать параллелепипед размером пятнадцать на восемь на пять метров.

С тех пор первый светодиод загорался каждый год в начале июля, но два других не подавали признаков жизни. Что же, наверное, организовать нормальную наводку оказалось не так просто, как Илья полагал поначалу.

А жизнь тем временем текла своим чередом. Вскоре после событий девяносто третьего года сын сообщил мне, что к власти в России пришли не те, на кого он ставил, поэтому отсюда надо «линять».

— Тебе, — уточнил я.

— Нет, мама тоже так считает, — возразил сын. — И что ты тут будешь делать, когда мы уедем?

— А что я буду делать там? Нет, подобный вариант даже не обсуждается. Отговаривать вас с матерью я не стану, но и сам никуда не поеду. Я, между прочим, ни на кого не ставил, так что вряд ли мне здесь будет что-либо угрожать. Мою квартиру вы, надеюсь, мне оставите?

— Пап, да мы тебе их оставим все три! — возмутился отпрыск. — Но ты точно отказываешься ехать?

Это был вопрос на всякий случай: сын хорошо меня знал и сразу понял, что мое решение окончательное. И вскоре я остался один в Москве. Правда, с деньгами от продажи двух лишних квартир, так что бедность раньше, чем в столетнем возрасте, мне не светила никоим образом. Тем более что сын собирался меня материально поддерживать, хоть я и сказал ему, что не вижу в этом особой необходимости.

Шли годы. В две тысячи четвертом я купил дом в заброшенной деревеньке на границе Тверской и Ярославской областей, нанял бригаду таджиков и привел его в пригодное для житья состояние. Внешне дом оставался почти тем же самым, но внутри он радикально преобразился. В подвале стоял мощный генератор с месячным запасом солярки и батареей из сорока камазовских аккумуляторов, ибо с электричеством в деревеньке было весьма не очень. Ну и все прочее, необходимое для комфортной жизни пожилого одинокого пенсионера, так что с шестого года я появлялся в Москве только наездами раз в год, дешево сдав квартиру троюродной внучатой племяннице жены, которая приехала в Москву учиться.

А полгода назад на стиральной машине вдруг зажегся красный светодиод, причем сразу по третьему каналу. И непрерывно горел с тех пор, подтверждая, что где-то там меня ждут. Но так как можно было не спешить, за полгода я собрал массу вещей, могущих оказаться полезными в прошлом. Ведь глупо лезть туда пустым и голым, имея зону переноса в шестьсот кубометров! Однако сборы наконец-то закончились, и завтра мы с Ньютоном собирались отправляться в далекое путешествие. Но сегодня к нам мог приехать один гость. Интересно, он действительно приедет или все-таки не рискнет отправляться черт знает куда, да еще и без особых гарантий благополучного завершения пути?

ГЛАВА 2

Около шести часов вечера, когда мы с Ньютоном уже устали поглощать всякие вкусности и праздник понемногу шел к завершению, на улице послышался шум мотора пополам со скрипом разболтанного кузова и лязгом изношенной еще на заре перестройки подвески. Я выглянул в окно. Так и есть, приехал Серега на своем фургоне-автолавке. Район по какой-то программе якобы доплачивал ему за рейсы в деревни наподобие той, где я поселился, а он якобы туда ездил каждую неделю. Но все-таки Серега был честным человеком и у нас

появлялся примерно раз в месяц, причем привозил то, что было заказано.

Но сегодня, как ни считай, был не рейсовый день. Значит, Серега привез или мою покупку, или гостя ко мне, или и то и другое разом.

— Михалыч! — заорал он, заглушив мотор, но не вылезая из кабины. — Ты тут еще жив?

Правильно, чего зря лезть наружу — а вдруг я уже помер? Так что мне пришлось с некоторым трудом встать и выйти на крыльцо.

— Не дождешься, — приветствовал я его. — Привез?

— А то чего бы я сюда поперся? — вполне резонно ответил он. — Эй, парень, мы уже на месте, можно выходить!

С противоположной стороны машины хлопнула дверь, и показался Витя Маслов. Значит, все-таки решился, подумал я и, поздоровавшись, предложил ему проходить в дом. Сергей тем временем возился у задней двери своего фургона. Наконец размотал проволоку, которая там была вместо замка, распахнул створку и начал прилаживать три доски из кузова на землю. Обернувшись ко мне, он с видимым беспокойством осведомился:

— Михалыч, ты... это самое... не передумал? А то если у тебя сейчас всех денег нет, так я могу и того... подождать.

— Да куда уж тут раздумывать, — хмыкнул я, — выкатывай свою ласточку, деньги при мне.

Серега исчез в глубине своего фургона, и вскоре по доскам скатилось тульское изделие с неудобоваримым именем «ТМЗ пять точка девяносто семьдесят один». То есть трехколесный грузовой мотоцикл повышенной проходимости.

— Не прогадал ты, Михалыч, — возбужденно тараторил Сергей, — хрен сейчас где такое найдешь! Эти, блин, квадроциклы стоят дороже машины, груз толком положить некуда, а если что сломается — все! А тут... состояние — лучше нового! И полный кузов запчастей, из них еще один такой можно собрать. Работает хоть на бензине, хоть на самогоне! Заводится с полтыка!

Для иллюстрации последнего постулата он лягнул кикстартер, и движок действительно затарахтел.

— А прогреется — так и вовсе с электростартера заведется! — не унимался взбудораженный продавец.

Его энтузиазм был в общем-то понятен, ибо Сергей запросил за это транспортное средство тридцать пять тысяч. По отношению к реальной стоимости сумма была завышена раза в два, если не в три, а для здешних мест она являлась и вовсе фантастической. Скорее всего, он просто собирался поторговаться, но я лишил его этого удовольствия, согласившись сразу.

— Держи деньги, — прервал я его излишняя, — и отгони свою ласточку к сараю.

— Она уже твоя, — на ходу отозвался он, — сам удивишься, сколько она тебе прослужит! А соберешься зарегистрировать — только скажи, это я мигом организую, у меня свояк в райотделе работает.

Отделаться от Сергея удалось только минут через пять, потому как на радостях от внезапно свалившегося богатства он порывался прямо сейчас обмыть сделку. Но наконец, напоследок взревев прогоревшим глушителем, фургон уехал, и я смог уделить время своему гостю.

Родители Виктора были моими соседями по этажу с семидесятого года, а в восьмидесятом у них родился сын. Очень поздний сын: ведь матери тогда было хорошо за сорок, а отцу — немного за пятьдесят. Естественно, они не чаяли души в своем чаде. И, что столь же естественно, ни малейшей пользы это ему не принесло, а скорее наоборот. Нет, мне, конечно, встречались и более не приспособленные к жизни люди, но далеко не каждый день.

Школу Виктор посещал только до пятого класса. А когда после развала Союза в образовании начались какие-то метания с частными гимназиями, домашними обучениями и прочими экстернатами, предки забрали его из школы, и дальнейшая учеба проходила на дому. Виктору повезло, что его родители дожили до получения своим чадом аттестата, потому как иначе жертве домашнего образования светила бы и вовсе не завидная судьба. Кстати, следствием его образования явилось то, что Маслов-младший не служил в армии. Ведь военкомат заводит карточки на основе школьных списков, а там-то его и не было! То есть про него просто никто не вспомнил, и никаких повесток он не получал.

Но парнем он все-таки был довольно способным и ухитрился как-то поступить в Московский педагогический университет, мне более известный под старым именем МОПИ имени Крупской.

Пока он учился, умер его отец, а через год после получения диплома — мать. Она просила меня позаботиться о Викторе, и это явилось одной из причин того, что сегодня он оказался моим гостем. Вторая была в том, что чадо мало того что являлось учителем истории, так еще и знало французский язык. Причем он утверждал, что знает и его старый диалект, на котором разговаривали всякие Генрихи Валуа, Маргариты Анжуйские и прочие Людовики Бурбоны.

Вообще, его коньком была средневековая Франция, а ведь мы и собирались куда-то примерно в конец Средних веков. Ну или чуть в более поздние времена, не столь важно. Правда, на противоположную от Европы сторону земного шара, но лично я вовсе не был уверен, что так и останусь там сидеть до самой смерти. А уж если слова Ильи про омоложение окажутся правдой, то и тем более.

Имелась и третья причина. Одиноким лоховатым парнем, живущим в двухкомнатной квартире на площади Гагарина, даже в наши сравнительно спокойные времена относится к группе повышенного риска. Пока я был помоложе и жил в Москве, еще имелась возможность как-то помочь в случае чего, но за последние четыре года она сильно уменьшилась, а с моим исчезновением, понятно, пропадет вообще.

— Вообще-то мы договаривались на четыре часа, — заметил я своему гостю, — а сейчас уже шесть.

— Я писал завещание, — гордо сообщил мне Витя.

— И про что, если не секрет?

— Про квартиру. В случае моей смерти или исчезновения она должна быть продана, а деньги переданы детскому дому в Подольске. Я оставил его на письменном столе.

М-да, подумалось мне. Тяжелый случай. И ведь парень не подозревает, что никому и в голову не придет не то что выполнять им завещанное, но даже задуматься о таком извращении! Впрочем, и я тоже написал нечто в этом роде от его имени. Если не дать отбоя, то через два дня на «Одноклассниках» появится сообщение якобы от Виктора, где он заявит, что очень опасается за свою жизнь, так как его квартирой заинтересовались нехорошие люди. И даст координаты одного агентства, про которое я знал, что там не брезгают и довольно некрасивыми делами. Правда, конкретно к Витиной квартире они ни сном ни духом, но это все равно. Пусть хоть нервы маленько помотают мерзавцам, и то хлеб. Говорить всего этого Виктору я, понятное дело, не стал. А просто уточнил:

— Значит, ты твердо решил составить мне компанию.

— Конечно, — с энтузиазмом подтвердил Витя. — А вы бы на моем месте отказались? Своими глазами увидеть далекое прошлое — когда у меня еще будет такой шанс? И не надо мне говорить, что это опасно, я уже все обдумал. Когда мы отправляемся?

— Завтра, в пять утра.

Это время я выбрал потому, что не хотел травмировать соседей зрелищем исчезновения сарая. Хотя в деревне имелось всего шесть жилых домов и кроме меня тут жили две бабки и Юрка-алкаш из райцентра, которого недавно в очередной раз выгнала жена. Еще два жилых дома сейчас были пусты — дачники из Москвы и Ярославля туда еще не приехали.

Правда, потом народ все равно обнаружит, что мой сарай куда-то делся, и я вместе с ним тоже, но тут уж ничего не поделаешь. Скорее всего, они решат, что кто-то польстился на кирпичи и доски, которые я закупил якобы для постройки ондатровой фермы. О том, что доски там очень непростые, а кроме них полно и гораздо более интересных вещей, в деревне не знал никто.

— Ужинать будешь? — поинтересовался я у своего гостя и, получив отрицательный ответ, предложил: — Тогда показывай, что захватил с собой.

Виктор с готовностью расстегнул сумку. С самого верха лежал пакет со сменой белья. Дальше на свет божий был извлечен ноутбук. Все правильно: Виктор читал книжки и знает, что без него в прошлое путешествовать просто неприлично. Впрочем, и я их тоже захватил целых шесть — по основному и по два запасных — мне и Илюхе.

Тем временем из недр сумки появились книги «Самоучитель верховой езды» и «Основы картофелеводства», многофункциональный нож «Свис тул спирит», здоровенный кухонный тесак в криво сшитых из дерматина самодельных ножнах, десяток газовых зажигалок, два баллона с газом к ним, бутылка пепси и два «сникерса». Потом был извлечен пистолет Макарова. Я на мгновение даже подумал, что настоящий, но быстро разглядел — пневматик. Потом Витя достал три коробки баллончиков и пачку шариков к нему, и на этом содержание сумки иссякло. Набор, конечно, еще тот, но я ведь сам говорил парню, что беру с собой все необходимое и он может явиться хоть голым.

— Никаких лекарств я не взял, — пояснил Виктор, — потому что вы в них разбираетесь гораздо лучше. Но ведь вы не забыли, что я вам говорил про Европу? Как минимум до конца восемнадцатого века там царила жуткая антисанитария!

— Не волнуйся, у меня какие-то задержки со склерозом, так что я все помню. И презервативов, и бензина в сарае достаточно.

— Э... а при чем тут бензин? — смутился парень.

— Ну как же, приплывем мы в Европу, и тебя, например, возжелает какая-нибудь местная герцогиня. Ты что, собираешься ее прямо так пускать в койку? Даму же придется сначала отмыть, и лучше бензина для этой цели пока ничего не придумано. А если кроме шуток, то у нас с тобой полтора кубометра всяких медикаментов на все случаи жизни.

— Да, так все-таки куда мы, по-вашему, попадем? — решил смелить тему Виктор.

— А я знаю? Точка выброса Баринава была в океане где-то в районе Огненной Земли, так что, скорее всего, он обосновался на каком-то из островов архипелага, их много. Вот там мы и окажемся вместе с сараем.

— Неужели вы так давно готовитесь, что заранее построили эту громадину? — поинтересовался парень.

— Да ты что, ему же лет шестьдесят, если не семьдесят. Когда-то в доисторические времена здесь была конюшня. Ну а мне пришлось ее только самую малость подремонтировать. Ладно, пора спать, вставать нам завтра рано.

— Как, вы сможете уснуть в такую ночь?

— Не уверен, но попробовать не помешает.

Как ни странно, я действительно продремал часа четыре. Глянул на часы — пора. Минут за десять оделся и похромал на веранду. Виктор, судя по всему, так и не ложился.

— Пошли, что ли, — предложил я ему.

Мы вышли из дома и минут через пять были у сарая, где стоял оставленный вчера трицикл.

— Завести сможешь? — поинтересовался я. — У меня что-то правая нога совсем отказала, а левой это неудобно.

— Если покажете как, то конечно.

Я вздохнул, показал, и минут через пять Витины усилия увенчались успехом.

— Так, теперь помоги взобраться... все, спасибо. Проход видишь? Бери Ньютона и иди туда, пока не упруешься в старинную стиральную машину.

Подождав, пока Виктор выполнит инструкцию, я аккуратно заехал носом в сарай, где у входа оставался небольшой пяточок как раз под размер трицикла. Собственно, получившееся свободное место и было причиной моей спешной покупки — зачем тащить в прошлое воздух! Там небось и своего хватает.

Затем я с трудом слез с агрегата и, держась за стены прохода, поковылял в центр сарая. Сзади продолжал тарыхтеть движок — выключать я его не стал.

Подойдя к стиральной машине времени, я откинул крышку и включил крайний правый тумблер. Стрелка амперметра бодро поползла вправо. Когда она прочно угнездилась посредине зеленого сектора, я шелкнул вторым. Машина пискнула, что по инструкции означало — она видит маяк в точке финиша. Я вытер со лба холодный пот, подавил непонятно откуда взявшееся желание перекреститься, подмигнул Виктору и рванул на себя третий, самый большой тумблер.

По ушам ударило, словно при не очень далеком разрыве авиабомбы. Фанера под ногами вздрогнула, сверху раздался треск, и нам на головы посыпалась какая-то древесная труха.

— Что это?

Кот на руках у Виктора возмущенно взмякнул и вздыбил шерсть, но желания спрыгнуть на пол пока не проявлял.

— Часть крыши вышла за зону переноса — вот ее и обрезало, — пояснил я. — А вообще-то мы уже там, куда и стремились. Пошли посмотрим, что ли.

Через загораживающий выход трицикл было видно, что снаружи идет мелкий дождик. Впереди просматривалось что-то вроде луга, за ним — холм.

Я взобрался на тарыхтящий агрегат, причем в этот раз ухитрившись сделать это без посторонней помощи, воткнул заднюю переда-

чу и, выехав из сарая, развернулся. После чего обзрел открывшееся моему взгляду прошлое.

Оно выглядело каким-то блеклым, не очень приветливым и совершенно безлюдным.

ГЛАВА 3

Убедившись, что прямо сейчас никакой торжественной встречи не будет, я слез с трицикла и вернулся в сарай, где обратился к Виктору:

— Щель между ящиками видишь? Да, именно эту. Суй туда руку и тащи, что там лежит.

Вскоре на свет божий был извлечен складной стул, который я тут же разложил и с облегчением на него плюхнулся, термос с горячим чаем и три бутерброда.

— Один — мне, два — тебе, — разделил я их и налил чаю в пластиковый стаканчик. От всех треволнений сегодняшнего утра у меня что-то разыгрался аппетит, который в обычных условиях проявлял себя не раньше полудня, да и то не каждый день.

— М-мяу! — заорал Ньютон, явно охваченный подозрением, что при дележке еды про него забыли.

— Витя, — перевел я парню кошачий вопль, — там дальше должен быть еще просто кусок колбасы, без хлеба. Отрежь примерно треть хвостатому, будь так добр.

Так я просидел почти два часа. Виктор периодически выскакивал наружу, но там все оставалось как было, то есть и дождь не переставал, и люди не появлялись.

Понятно, что стоять и ждать меня Илья не мог — он же не знал точного времени старта. Но о том, что старт будет именно сегодня, я ему просигналил. Где же его носит?

Тут меня осенило — Баринов же не знает, кто такой Виктор, он видел его всего пару раз, да и то ребенком! Вот и думает: что за хмырь сюда явился вместо его старого друга?

Я попытался встать, и с третьей попытки мне это удалось. После чего доковылял до входа, вышел под дождь, помахал рукой и остановился. Если за сараем наблюдают, то вскоре что-то должно произойти. Поскорей бы, а то в моем возрасте прогулки по такой погоде, хоть и в непромокаемой куртке, что-то не радуют.

Но буквально через минуту после моего выхода из-за холма примерно в трехстах метрах впереди появилась фигура. Как-то она мне не очень напоминала моего друга Илью, но на подобный случай у меня был при себе бинокль. Я поднес его к глазам и увидел мощного, почти квадратного мужика. Про рост сказать было трудно, но шири-

на плеч и объем грудной клетки впечатляли. Лицо такое же, как и фигура, то есть чуть ли не поперек себя шире. И рыжая борода лопатой. А в руке — винтовка. В общем, ничего общего с Илюхой. Э, как бы это не оказалось другим «подобным случаем», на который у меня за пояс был заткнут парабеллум.

Потом я присмотрелся повнимательней. Е-мое, так Илья в молодости и был почти таким! Это он после сорока пяти начал тощать, так что к девяносто первому году больше напоминал скелет, чем себя прежнего. Точно, это Илья, только поздоровевший до неприличия. Блин, эх его вширь-то разнесло! Он тут что, все двадцать лет подряд занимался исключительно культуризмом?

Илья легкой трусцой бежал ко мне, а за ним следовали еще пять человек. Судя по всему, аборигены, но в серых рубашках, таких же штанах и тоже с ружьями.

Вот уж чего я за собой никогда не подозревал, так это сентиментальности. Однако когда исчезнувший двадцать лет назад на моих глазах друг остановился в шаге от меня, на глаза навернулись слезы, голова закружилась, и я не упал только потому, что Илья меня поддерживал. Вот ведь старость проклятая! Такими темпами еще лет десять — и я начну в голос рыдать над дамскими романами.

— Ну, здравствуй, — тормозил меня Илья, — извини, что заставил так долго ждать. Но ты молодец, что дождался, а здоровье у тебя теперь за пару месяцев придет в идеал, а через полгода и вовсе станешь вроде меня. А это кто такой?

— Помнишь, у меня соседи были, Масловы? Так это их сын. Выразил желание сопровождать меня в этой авантюре.

— Будем знакомы, — мой друг протянул руку подошедшему Виктору, — меня зовут Илья Антонович Баринов. Но чего мы тут мокнем? Пошли в мою резиденцию! С вашим сараем ничего не случится, он уже под охраной.

— Пошли? — усмехнулся я. — Сколько до нее километров? И сколько дней я буду туда ковылять, если не окочурюсь по дороге?

— Километра три, — смутился Илья, — это я недодумал. Тогда погоди, я сейчас скажу, чтобы принесли носилки.

— Друг мой, вы тут совсем одичали в своем незнамо каком мохнатом веке? На всякий случай уточняю, что вон тот красно-черный механизм есть самобеглая коляска системы «трицикл» и она может передвигаться, не будучи запряженной лошадью или еще каким-нибудь животным. Витя, заводи движок. Молодец, вот что значит практика! Илья, вытряхни из кузова все, что там лежит, и полей туда. Виктор, дай руку и помоги влезть. Все, спасибо, можешь тоже грузиться в кузов. Уселись? Илья, говори, куда рулить, и поехали.

Трицикл легко катился по мокрой траве на своих широких дутиках, а я старался по возможности прикладывать поменьше усилий для управления им. Если умеешь, это нетрудно. Дело в том, что при виде Ильи меня охватило какое-то иррациональное беспокойство.

Не знаю как другие, а я, дожив до своих лет, давно уже был готов к тому, что мое земное существование может в любой момент прекратиться. Ну помру и помру, причем явно не в отдаленном будущем. Так что теперь — отравлять себе последние дни непрерывными мыслями на эту тему? Но после всего увиденного мне вдруг показалось ужасно обидным отбросить копыта прямо сейчас. Во-первых, это будет невежливо по отношению к хозяину. А во-вторых, только теперь я уверился окончательно, что впереди меня может ждать еще очень солидный кусок активной жизни. И поэтому старался по возможности не напрягаться, не волноваться и так далее.

Резиденция Ильи оказалась двухэтажным домом внутри ограды в виде частокола. Друг помог мне слезть с трицикла и под ручку препроводил в свой, как он выразился, малый кабинет.

— Самому начать рассказывать или ты будешь задавать вопросы? — поинтересовался он, садясь напротив меня.

— Давай я помаленьку начну, а ты потом дорасскажешь остальное. Когда это начнется? — Я потыкал пальцем в его сторону.

— Уже началось. Ты, кстати, повышенного аппетита не чувствуешь? Но пока ешь осторожно. Все-таки ты еще не молод, начнешь лопать все подряд — на понос изойдешь, это я тебе говорю на основании своего опыта. Где-то с месяц придется осторожничать, а потом желудок и прочие кишки придут в норму. Но главное — та крыса, которую я взял с собой, прожила здесь пять лет. Притом что в момент переноса ей уже было полтора. Так что рассчитывай лет на сто вдобавок к твоим имеющимся, сильно не ошибешься.

— Ох, — мечтательно вздохнул я, — тогда начнем с самого начала. Где мы и когда мы?

— Мы на острове Чатем. У нас тут сейчас утро двенадцатого мая одна тысяча шестьсот девяносто первого года.

В процессе подготовки я довольно внимательно изучил карту Огненной Земли, и что-то мне никакой остров Чатем на память не приходил. Хотя их там много, да и называться он мог в разные времена по-разному.

— Этот остров находится примерно в семистах километрах на восток от Новой Зеландии, — продолжил тем временем Илья.

— Не понял, тут что, какая-то другая география? До противоположной Байкалу точки черт знает сколько!

— География та же самая. Просто в момент моего появления тут имел место шторм. И еще ночь, как будто одного шторма мало. Кстати, спасибо, лодка у тебя получилась отличная. Так вот, ночью мне

было не до навигации. А к полудню шторм чуть утих, и я смог определить, что меня гонит на запад. Плыть против ветра на моторе я даже не пытался — и так ясно, что просто зря сожгу бензин. Так что поплыл я, куда ветер дует, тем более что окрестности Австралии я тоже рассматривал как возможное место для жительства. В общем, путешествие заняло без двух дней два месяца, и в конце концов я оказался тут.

— Аборигены скушать не пытались, как Кука?

— Вот с ними мне повезло. Тут живут мориори, беглецы с Новой Зеландии. Там их сильно притесняли и к тому же периодически ели, так что в конце концов они не выдержали и наобум подались в океан. Племя мирное, у них в религии даже было что-то вроде запрета на убийство, но вообще-то шаманы тут особым влиянием не пользовались. В общем, жили они на этом острове голодно и бедно, потому как, кроме рыбной ловли и собирательства, никаких способов добычи пропитания не знали. Кстати, когда я понял, что мое плавание затягивается, я прямо в море зарядил твой инкубатор и включил его. Пять цыплят дожили до берега.

Ага, припомнил я, действительно, в числе багажа был и небольшой термостат с питанием от аккумуляторов, которые подзаряжались динамкой с винтом, использующим движение лодки. Значит, не обманула меня бабка в Листвянке, сказав, что яйца свежайшие, вот только-только из-под несушки.

— А потом выяснилось, — продолжил Илья, — что у мориори была какая-то легенда насчет того, что, когда все станет совсем плохо, на небесной лодке приплывет посланец богов и поможет. Почему-то они посчитали меня таковым. Хотя лодка действительно, если ты помнишь, была синяя, а паруса с голубыми полосами.

Ну да, подумал я, жить захочешь — так и красный водный велосипед признаешь за небесную лодку, а уж синий ботик с бело-голубыми парусами и подавно. Хотя если так, то чем считается только что появившийся сарай — небесным дворцом? Да и наш с Виктором статус вызывает определенный интерес.

— Вы тоже посланцы богов, как и я, — пояснил Илья, — точнее, одного бога, которого зовут Ио, он там на небе главный. Мы хоть и посланцы, но люди, пусть и немного отличаемся от местных.

— И сколько народу тут сейчас обитает? — поинтересовался я.

— Когда я только появился, их было меньше двух тысяч. А сейчас — чуть больше шести, из них три с половиной тысячи взрослых, то есть которым больше четырнадцати лет. Кстати, почти вся молодежь тут худо-бедно, но говорит по-русски. А некоторые так и вовсе ничего, даже песни поют.

Я не стал спрашивать, какие именно, ибо Илья всю свою сознательную жизнь из песен признавал исключительно частушки.

Вот так и началась наша с Виктором новая жизнь в семнадцатом веке. Квартировали мы пока у Ильи: его дом был достаточно просторным.

Первая неделя запомнилась мне как время черных страданий. Казалось бы, в моем возрасте можно не удивляться тому, что у тебя постоянно что-то болит, но в том-то и дело, что раньше оно болело привычно. А тут вдруг ни с того ни с сего начинало ломить какие-то кости, про наличие которых в своем организме я и не подозревал! Кроме того, постоянно чесалось все тело, и не только снаружи, но иногда даже и изнутри. Наконец, все время просто зверски хотелось жрать. Как-то раз я не выдержал и пошел на поводу у исходящего голодом организма, но кончилось это именно так, как предупреждал Илья. Да уж, как подумаешь, что ему пришлось перенести нечто подобное на утлой лодочке посреди океана...

Впрочем, мне было обещано, что начальная фаза, она же самая болезненная, длится две недели, а потом омоложение пойдет легче.

Поначалу я почти не выходил из дома, общаясь с Иллей, который дорвался до содержимого моего сарая, в основном по радици. Вечерами же я показывал ему тонкости обращения с ноутбуком и рассказывал, что у нас там произошло за двадцать с лишним лет. Впрочем, большого впечатления это на Илью не произвело — та жизнь уже стала для него далеким прошлым.

Теперь же он пребывал в полном восторге, что я взял да и привез ему такую кучу полезнейших вещей. По весу где-то в полтора-два раза больше, чем он смог двадцать лет назад захватить на своей лодке.

Примерно треть объема сарая занимал набор деталей и материалов для изготовления шхуны «Груммант-58» — двухмачтового деревянного судна водоизмещением в пятьдесят восемь тонн. Кроме парусов там был предусмотрен еще и камазовский движок. На этой посудине мне вроде бы предстояло путешествовать по миру, потому как в прошлое я отправился вовсе не с целью просидеть остаток жизни на небольшом островке посреди океана.

Кроме набора для постройки корабля, в сарае имелись всевозможные инструменты, четыре дизельных генератора, станки, два десятка тонн всевозможного металлопроката и много чего еще, включая два мотовездехода и мотодельтаплан. В подвале под сараем находилось топливоохранилище с двенадцатью тоннами солянки и тремя — бензина. Наличествовал и экологически чистый транспорт, то есть дюжина велосипедов, два из которых были грузовыми трехколесными.

На шестой день своего пребывания в прошлом я отважился прогуляться до берега океана, то есть примерно на полкилометра от дома Ильи, и стал свидетелем интересной сценки, но про это лучше рассказать поподробнее.

Виктор, судя по всему, никаких особо неприятных ощущений, связанных с перестройкой организма, не испытывал, ибо и до путешествия в прошлое был молод и абсолютно здоров. Так что он с первых дней нашего пребывания на острове начал искать свое место в здешней жизни.

Начало вышло строго по поговорке насчет первого блина — парень попытался участвовать в перетаскивании материалов для постройки судна из сарая на верфь, но почти сразу был основательно ушиблен доской. Следующая попытка вышла заметно лучше, хоть и привела к не совсем ожидаемому результату. Маслов решил попробовать себя в рыбной ловле. Вот это я видел своими глазами, однако кульминационный момент все-таки пропустил. Ну скажите мне, как можно перевернуться на катамаране? До сих пор я считал это физически невозможным. А сразу после переворота стало ясно, что заявление Вити о том, будто бы он умеет плавать, лучше рассматривать как гиперболу, то есть художественное преувеличение. Но все закончилось хорошо.

Витя вышел в море на одноместном катамаране, предназначенном для прибрежного лова и принадлежащем одной местной девушке, и успел отплыть метров на сорок. В момент кораблекрушения хозяйка плавсредства находилась на берегу, а я — тоже неподалеку, так что имелась возможность хорошо рассмотреть все ее действия.

Поначалу она ринулась было к воде, но потом, увидев, что перевернутый катамаран не собирается тонуть, а Виктор вынырнул и крепко в него вцепился, чуть подкорректировала план действий. Не без изящества она выскользнула из своей льняной рубахи, потом из штанов, после чего на ней ничего не осталось. Затем девушка вспрыгнула на торчащий из воды здоровенный валун, пару секунд постояла там в красивой позе, а потом рыбка нырнула с камня и быстро поплыла к спасаемому.

В общем, хотя после этой истории у него и начала помаленьку налаживаться личная жизнь, в профессиональном плане и вторая попытка найти занятие оказалась малоудачной. Видя такие дела, я решил вмешаться.

— Витя, — прошамкал я своему московскому соседу за очередным обедом. Именно прошамкал, потому как у меня начало выпадать то, что оставалось от старых зубов, а на их месте вроде бы собирались расти новые. Во всяком случае, верхний мост выпал этим утром, а нижний явно собирался последовать его примеру не позднее вечера.

Так вот, я как мог сказал парню:

— Витя, да что же ты постоянно пытаешься заниматься не своим делом? Носильщиков тут и без тебя хватает, а уж рыбаков тем более. Но ведь историк-то ты здесь один-единственный на тысячи километров в любую сторону! И кому, кроме тебя, писать историю здешнего народа? Собери предания, пока они не забылись, систематизи-

руй, обработай, ну и так далее. А то какой же это будет народ без писаной истории? Отгрызок племени, и не более того.

Тут я почувствовал — мои предположения насчет того, что нижний мост протянет до вечера, скорее всего, основаны на совершенно беспочвенном оптимизме. И постарался закончить как можно более кратко:

— Да и с образованием тут не очень — все же держится на Илье Антоновиче, как будто у него мало других дел. Подойди к нему и предложи свою помощь — ты ведь не только историк, но и профессиональный педагог.

ГЛАВА 4

Как и обещал Илья, через две недели мне стало полегче, и я начал принимать более активное участие в здешней жизни. Для начала помог Баринову разобраться с содержимым своего сарая. Начали мы с оружия.

Двадцать лет назад мой друг отправился в прошлое, будучи просто отвратительно вооруженным. Из готовых изделий он вез с собой две мосинских винтовки, причем одну аж девятьсот третьего года выпуска, и три сотни патронов к ним. Дополняли арсенал две двустволки шестнадцатого калибра и одностволка двенадцатого. Кроме того, с войны у него оставался пистолет ТТ, с патронами к которому было совсем плохо. Правда, порох, капсюли и свинец для пуль он смог захватить в достаточных количествах.

В качестве заготовок для производства чего-нибудь стреляющего Илья раздобыл бесшовные трубы из стали 30ХГСА с внутренним диаметром пятнадцать, тридцать и пятьдесят миллиметров и внешним примерно в два раза больше внутреннего. Из них предполагалось при нужде изготовить оружие на месте, что и было сделано. Так что теперь на вооружении островитян состояло пять десятков пятнадцатимиллиметровых кремневых ружей, десятков больших тридцатимиллиметровых и четыре небольших пушки. Причем все это было востребовано, ибо на острове не имелось даже приличного леса, не говоря уж о каких-либо полезных ископаемых. Поэтому за всем приходилось снаряжать экспедиции в Новую Зеландию с ее воинственными аборигенами.

У меня же для подготовки имелось куда больше времени и возможностей, среди которых было и наличие охотничьего билета, да и сарай — он намного вместительней небольшой лодки.

Неудивительно, что вскоре разыгралась сцена, напомнившая мне место в «Таинственном острове», где колонисты с восторгом разбирали содержимое выловленного в океане сундука.

Итак, я сидел на стульчике и объяснял, откуда что тащить, потому как оружие приобреталось мелкими партиями и потом распахивалось по самым неприметным щелям сарая.

Для начала мы извлекли лежащие ближе всего ко входу четыре карабина «Сайга» под промежуточный патрон 7,62. Не успел Илья впасть в расстройство по поводу малого количества боеприпасов к ним, как я показал, где копать, и вскоре около карабинов лежали и шесть цинков. Потом я объяснил, что в предпоследней от входа бочке с соляжкой четыре АКМС и один ПКМ¹ с запасным стволом, но прямо сейчас их извлечь не получится — надо сначала слить топливо и немного просушить бочку от паров. А пока продолжался показ того, что было куплено более или менее легально. То есть Илья узрел три карабина «Тигр-01», ружье «ТОЗ-124» и два «ТОЗ-106».

— И это все? — с некоторым разочарованием поинтересовался Бариннов. — Хоть патронов к моему ТТ ты привез?

— А как же, они в ящике с шурупами. Там же и для моего парабеллума. А так — из готовых изделий почти все, остальное полуфабрикаты. Но зато их много. Например, восемьсот вот таких труб.

— Стволы, — догадался Илья, — а что это на них за выточки?

— Скажи своим, чтобы вскрыли вон тот ящик с уголками. Да, сверху. Видишь? Хорошо, тащите сюда.

Я развернул промасленную бумагу и извлек из нее свое творение.

— Барабанное ружье моей собственной разработки. Главных требований два. Первое — чтобы оно состояло из деталей, которые нельзя было однозначно идентифицировать как детали оружия, иначе я не смог бы заказать их в таких количествах. Второе — оно должно легко собираться не очень обученной рабсилой при минимуме инструментов. Кроме того, я решил, что с гильзами лучше не связываться, и применил безгильзовый барабан. Смотри, как это работает. Затворный рычаг вверх — барабан расклинивается. Рычаг назад — барабан тоже отъезжает на семь миллиметров, а при дальнейшем движении рычага взводится боевая пружина. Рычаг вперед — в начале этого движения барабан проворачивается на один щелчок, а в конце тоже идет вперед и насаживается на выступ ствола. Рычаг вниз — барабан клинится, и можно стрелять. В правом переднем углу ящика должно быть два заряженных барабана, можешь попробовать.

— А чего-нибудь помощнее?

— Есть трубы подходящих диаметров, можно будет что-нибудь сообразить. Кроме того, я по случаю достал ствол от сорокапятки, три гильзы и даже один целый бронебойный снаряд к ней. Правда, не факт, что он рабочий, но это и не суть. А сорокапятку я собираюсь установить на корабле.

¹ АКМС и ПКМ — автомат и пулемет Калашникова.

• Век железа и пара •

ПРОЛОГ

Капитан Френсис Линсей, которого уже около года звали Людвиг ван Бателаан, спрятал подзорную трубу в чехол и начал быстро спускаться с росшего на небольшом пригорке огромного дерева. С его вершины можно было рассмотреть окрестности в радиусе как минимум десяти миль, чем капитан и занимался в эти последние полчаса.

Как и ожидалось, молодой человек не увидел никаких признаков цивилизации. На востоке и на юге были густые леса, на севере — цепь невысоких холмов, покрытых кустарником, а в трех кабельтовых к югу начинался бескрайний океан.

В той стороне Френсиса интересовала в основном небольшая узкая бухточка в устье маленькой лесной речки. Даже зная, что там сейчас находится его бриг «Доротея», он с немалым трудом смог его обнаружить.

Левый берег речки был высоким и обрывистым, и бриг, пользуясь приливом, удалось подвести под самый заросший кустами склон. Такелаж замаскировали ветками, на корпус была наброшена сеть, так что обнаружить корабль стало не таким уж простым делом. Особенно сверху, в чем сейчас и убедился Френсис. Король советовал ему обратить самое серьезное внимание на маскировку, имея в виду, что у австралийцев есть летающие корабли, которые вполне могут патрулировать эти места.

Но все было в порядке. Бриг заметить трудно, а временный лагерь, разбитый в четырехстах ярдах от него вверх по речке, вообще невозможно.

Капитан кивнул ждавшему его у подножия дерева матросу, тот подал ему одно из двух имеющихся у него ружей, и вскоре они шагали к лагерю. Но с осторожностью и держа оружие наготове, ибо хорошо помнили жуткие ночные вопли какого-то несомненно хищного зверя, полночи раздававшиеся из леса. Кроме того, мистер Мосли в свое время познакомил Френсиса с краткой подборкой по животному миру Австралии. Рассказал о ледяных птицах, полярных жабах, пингвинах-живоглотах, хихервохерах и прочей жути. Правда, его сведения относились в основном к метрополии, но и в колониях мо-

гут водиться существа ничуть не лучше. Кстати, не хихервохер ли это мелькнул в кустах? Морда, во всяком случае, с беглого взгляда вроде была похожа на показанный Френсису рисунок.

Капитан велел матросу внимательнее смотреть назад, ибо известно, что хихервохер атакует человека преимущественно сзади, делая длинный прыжок и вцепляясь своими мощными челюстями в ягодичные мышцы.

В лагере завершалась сборка ботика, на котором предстояло исследовать окрестности места высадки.

При планировании операции Линсей исходил из последнего сообщения Темпла, где говорилось, правда с оговорками, о возможной неточности этих сведений, что каторжане на земле Тасмана рубят лес. Но если так, то их лагерь должен быть расположен на северной оконечности острова — оттуда ближе всего до Новой Австралии. «Доротей» же якобы потерпела крушение недалеко от крайней западной точки острова. В десяти милях севернее береговая линия под острым углом поворачивала на юго-запад, и исследоваться будет в первую очередь именно то направление. Но без спешки. Френсиса не раз предупреждали, что торопиться некуда.

Ему и его людям следовало осторожно, по возможности не попадаясь на глаза как воздушным, так и обычным кораблям австралийцев, найти место, где те содержали пленных английских пиратов. Кроме того, выяснить, есть ли на острове аборигены, и, если они найдутся, вступить с ними в контакт, имея в виду, что впоследствии он может перерасти в союз. Вторую задачу должен был выполнять сухопутный отряд под командованием старого знакомого Линсея, боцмана со «Свордфиша». В случае успеха миссии ему, кроме немалой денежной премии, было обещано дворянство.

Если же обнаружения австралийцами избежать не удастся, следовало изображать из себя жертв кораблекрушения. Поэтому ботик имел нарочито потрепанный вид, как и одежда участников обоих поисковых отрядов.

Итак, первый этап операции, то есть незаметная высадка в укромном месте земли Тасмана, прошел успешно. Френсис надеялся, что у него и его спутников хватит сил и умений довести дело до конца.

ГЛАВА 1

Накреньясь на правый борт, «Чайка» и «Кадиллак» птицами летели на запад под свежим южным ветром. Понятно, что «летели» — это метафора: они все-таки корабли, а не дирижабли. Но скорость двадцать—двадцать пять километров в час, которую мы выдерживали уже почти две недели, лично у меня вызывала, как говорил дорогой Леонид Ильич, чувство глубокого удовлетворения. Не сравнить с

возвращением из Европы, когда мы еле плелись, подлаживаясь под обую скорость сопровождавших нас английских кораблей.

Я стоял на носу своего корабля и, облокотясь на фальшборт, предавался воспоминаниям и размышлениям.

Когда семь лет назад я собирался в прошлое, то, конечно, не мог обойтись без раздумий о своей в нем новой жизни. В основном она мне представлялась по роману «Граф Монте-Кристо», только без отсидки и последовавшей за ней мстью виноватым в этой неприятности. То есть знатный вельможа из далекой заморской страны для своего удовольствия путешествует по миру на яхте, иногда удастая своим посещением некоторые европейские столицы. Естественно, производя там фужер, фураж и фурор. И, кроме того, подвергаясь успеху у дам.

Ага, разбежался. Ибо умные люди задолго до моего рождения написали: «В начале было слово»! И написали совершенно справедливо. Стоило мне в одном месте вякнуть то самое слово — мол, я являюсь герцогом из далекой, великой и могучей Австралийской империи, — как довольно быстро оказалось, что так оно и есть. Империя начала жить своей жизнью, причем, хоть я и не стеснялся в описаниях присущих ей чудес, мне иногда про нее рассказывали такое, что затруднительно было решить — стоять или падать от изумления.

В общем, теперь почти никто не сомневался в существовании этой страны, а также в ее размерах и могуществе. Однако слово «почти» я употребил не зря. Сомневающиеся были, причем, как ни странно, ими являлась правящая верхушка той самой империи. Его императорское величество Илья Первый, владыка Австралии, колоний и поселений, и его светлость герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал и первый министр. Под таким именем в завершающемся сейчас семнадцатом веке фигурировал я.

На самом же деле ничего удивительного в сложившейся ситуации не было. Многие вещи начинают свое существование сначала в умах людей — и только потом приобретают некие материальные черты. Нас с Ильей смущал тот факт, что с великими империями подобного пока не происходило, только и всего. Но, как говорится, все когда-нибудь случается в первый раз. В силу чего мне пришлось вспомнить, что сказали про аналогичную ситуацию Ильф с Петровым. А именно — как и из Бендера, графа Монте-Кристо из меня не вышло. Правда, управдомы империи были совершенно без надобности, так что мне пришлось перекалфицироваться в министры и дипломаты.

День потихоньку клонился к вечеру. Сменились вахтенные, и я тоже отправился в свою каюту. Хотелось до визита жены в очередной раз почитать копии доклада Темпла королю, запечатанный оригинал которого хранился в судовом сейфе. Но старый лис, похоже,

не верил никому и при написании всех сообщений, передаваемых через нас или, как это, с нашим кораблем, всюду прибегал к эзопову языку. Интересно, застану ли я по возвращении в живых старого дипломата? Энциклопедия сообщала, что он умер в девяносто девятом году. Но то было в дикой Англии, то есть при отсутствии лекарств, квалифицированной медицинской помощи, да к тому же и климат там не самый здоровый. Так что у меня имелись вполне обоснованные надежды еще не раз встретиться с троюродным дядюшкой Джонатана Свифта. У старика было чему поучиться, причем не только Свифту, но и мне.

Примерно треть доклада занимали материалы об императоре. Но описанию его габаритов и феноменальной силы было уделено всего полстраницы, основное место занимали наблюдения за тем, куда, как и насколько часто отлучается из Ильинска его величество.

По Темплу выходило, что за время нахождения английского посольства в Ильинске император пребывал в отъезде около двух месяцев. За это время он успел два раза слетать в метрополию на дирижабле и один раз на корабле посетить какую-то другую колонию, расположенную сравнительно близко, не далее тысячи миль от Ильинска.

Вот тут Темпл был прав на все сто. Деревня Потогонка, куда Илья как-то раз смотался на две недели, действительно находилась ближе чем в тысяче миль. До нее было пятьдесят километров по прямой или девяносто по морю.

Что же касается путешествий на дирижабле, то тут старый дипломат стал жертвой оптического обмана, к которому, правда, приложил руку и ваш покорный слуга. Попробуйте-ка определить размеры пролетающего над вами объекта! Без привычки это не получится, даже если знать высоту. У Темпла привычки не могло быть по определению, но про высоту я ему на всякий случай пару раз обмолвился. Однако данная информация ему помогла мало.

Оставался единственный способ — сравнительный. Если на летящем объекте найдется что-то, размер чего вам известен, вычислить величину будет нетрудно. На дирижабле «Граф Цеппелин» оно нашлось в виде периодически высывающихся из окон и махающих руками фигурок.

Вообще-то данный дирижабль при объеме двести пятьдесят кубов мог поднять груз семьдесят — семьдесят пять килограммов, но этого хватало, так как его пилот Франсуа весил от силы шестьдесят. Он лежал располагался в гондоле с имитацией окошек, надевал на пальцы правой руки куклу и устраивал над Ильинском воздушное представление. Поэтому англичане малость ошиблись с размерами. По докладу дирижабль имел в длину шестьсот футов, тогда как в действительности эта цифра составляла семнадцать с половиной метров.

Ту часть доклада, где утверждалось, что Илья является потомком атлантов, я прочитал мельком, ибо черновики для нее Темпл начал

готовить уже давно. Правда, в окончательном варианте была конкретизирована историческая часть. Раньше этого сделать не получалось, ибо мы с Илей только незадолго до отъезда расставили его предшественников и предков по своим местам.

В общем, до Бариновых Австралией правили Немцевы. Последний из них, Николай Никакой, довел страну до ручки, а потом отрекся, в результате чего в империи началась смута.

Она была прекращена титаническими усилиями первого представителя новой династии, Иосифа Великого. При нем империя уверенно двигалась по пути прогресса, но, к сожалению, он не оставил прямых наследников. После смерти Иосифа трон около года занимал его дальний родственник Лаврентий Четырехглазый, но тут на политическую арену непонятно откуда выскочил некто худородный и вообще ни к какой династии не относящийся по имени Н. С. Хукурузер. Убив Лаврентия, авантюрист объявил себя императором. Это чмо измывалось над империей десять лет, заработав кличку Никита Задоголовый и испохабив почти все, что ему досталось от Иосифа Великого, но в конце концов его скинул с трона и отправил в ссылку троуродный племянник Иосифа Леонид Звездоносец.

Разумеется, кто-то может найти в данном описании некоторые неточности. Им я могу только сказать, что мы писали все-таки историю Австралийской империи, а не КПСС. Темпл же пересказал ее, снабдив своими комментариями и отсылками к недавней истории Англии, где, насколько я понял, речь шла о Карле, Якове и Кромвеле.

Далее шел пересказ моей родословной, но тут англичанин обошелся без отсебятины. Мое описание жизни и подвигов козельского княжича Романа, угнанного в плен, но бежавшего аж из Китая и добравшегося до Австралии, было перенесено в доклад практически слово в слово.

Кроме писаний Темпла имелся и доклад второго секретаря посольства Ричарда Эвери, который, кажется, имел какое-то отличное от гуманитарного образование. Во всяком случае, он специализировался на описании наших технических новинок.

Бегло просмотрев две страницы про императорский рыдван, я решил к тому, что этот тип смог нарыть про наши турбины. И почувствовал глубокое разочарование, ибо, несмотря на толстые намеки и чуть ли не прямой показ, он так и не смог понять, что такое сопло Лаваля. Единственный его вывод заключался в том, что лопатки на ступенях турбины должны не только стоять под разными углами, но и располагаться на дисках уменьшающегося к концу диаметра. И как только такой двоечник, до сих пор не понявший, где у турбины вход, а где выход, ухитрился пролезть в посольство, сокрушенно подумал я, переворачивая страницу.

Основные усилия этот промышленный шпион сосредоточил на станках. Разумеется, никто его и близко не подпускал к большому са-

раю, громко именуемому механическим заводом. Но англичанин обосновался на соседнем холме с подозрной трубой и все-таки смог что-то увидеть, когда ворота сарая распахивались. Для маскировки своих нехороших намерений он таскал с собой мольберт с красками и холст, где в конце концов намалевал панораму Ильинска, но довольно коряво.

Предок Джеймса Бонда отметил, что в наших токарных станках мастер не держит резец рукой, для этого есть какое-то приспособление. Правда, никаких подробностей конструкции суппорта он не разглядел. Кроме того, наблюдатель написал, что у австралийцев есть и другие станки, где деталь закреплена неподвижно, а двигается и вращается обрабатывающая ее зубчатка.

Потом автор описал свои исследовательские работы. В принципе ничего, лично мне пока подобное в голову не приходило, надо будет взять на вооружение идеи мистера Эвери.

Он обратил внимание, что, хотя завод и находится рядом с плотиной на ручье, механической передачи вращения от водяного колеса к станкам не видно. Далее он не поленился произвести эксперимент. Взял два магнита и приклеил их к концам тонких прямых палочек. После чего, вращая одну из них, наблюдал, как вращается вторая, вроде бы не соединенная с первой. Эффект у него получался только на расстояниях до пяти сантиметров, а по размерам нашего сарая он сделал вывод, что австралийская наука преодолела десятиметровый рубеж магнитной передачи вращения. Сделанному им выводу способствовало то, что все наши станки располагались вдоль оси вращения водяного колеса.

Третьим документом посольской почты был доклад Свифта, посвященный образованию. Еще когда мы с Ильей читали черновики, у нас возникла мысль: а не придержать ли его под каким-нибудь предлогом? Но потом, подумав, решили все-таки не препятствовать отправке, потому как сути нашей системы не спрячешь. В конце концов, та же Элли сможет пересказать ее в трех словах.

Так вот, к некоторому моему сожалению, Джонатан Свифт не испытывал ни малейшей потребности описать что-либо наподобие путешествия Гулливера в страну лилипутов или страну разумных лошадей. Его больше интересовало положение с начальным образованием в Австралии. До другого его просто не допускали — Ильинский университет являлся закрытой организацией.

Свифт три раза подчеркнул, что воспрепятствование обучению грамоте и счету своим детям по нашим законам влечет за собой административную ответственность, а в случае рецидива — уголовную. Далее он уточнил, что минимальная грамотность является необходимым условием получения имперского подданства, и по косвенным признакам сделал вывод, что неграмотных в Австралии очень мало, а дворян среди них вообще нет. Особенно его поразил тот факт, что закон не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, то

есть девочки тоже учились в школе. Мало того — некоторые, проявившие особые способности, и в университете! Про который Свифт знал только то, что он существует.

В общем, после прочтения этой бумаги я мог утешаться одним — что в Англии никто не даст Вильгельму начинать вводить хоть что-нибудь похожее на нашу систему: все-таки он далеко не абсолютный монарх.

Однако тут раздался осторожный стук в дверь, вслед за которым в каюте появилась моя третья жена, герцогиня Элли Романцева, и я отложил бумаги. У нее было настолько взволнованное лицо, что я даже решил — случилась какая-то неприятность, но потом сообразил, что девочка просто пришла признаваться. Я так и думал, что она сделает это в пути, причем в его первой половине, но после того, как мы уже достаточно удалимся от Австралии. Так и оказалось.

Третью жену мне сосватал, а если быть точным, то просто подложил королевский камердинер Натаниэль Мосли, в благодарность за что я вез ему богато украшенный не только сапфирами и изумрудами, но и алмазами револьвер. Ибо Элли того стоила. Будучи натуральной голубоглазой блондинкой, она оказалась вовсе не дурой, а совсем даже наоборот.

Разумеется, в Австралии за ней наблюдали, и я мог точно сказать, что она почти не общалась с англичанами из посольства и уж тем более не вела каких-то записей. Судя по всему, она была агентом влияния, хотя Мосли наверняка не знал такого термина. Ее задачей являлось поддерживать во мне настроения типа того, что Англия — очень хорошая страна, Вильгельм — замечательный правитель, прямо-таки чуть не лопающийся от честности и благородства, и так далее. Я был ничуть не против, потому как по своей инициативе мы с Англией ссориться совершенно не собирались. По крайней мере до тех пор, пока наша численность не перевалит за миллион, а возможно, и после этого события.

В общем, я объяснил герцогине, что не вижу в создавшейся ситуации ничего страшного. Во-первых, я про нее и так знаю, причем давно, с момента нашего отбытия из Англии. А во-вторых, у каждого есть свои маленькие недостатки. Подумаешь, задание она выполняет, эка невидаль. У некоторых вообще ноги не только короткие, так еще кривые и волосатые! И ничего, живут.

По идее в этом месте девочка должна была расчувствоваться и обратиться ко мне за помощью, чтобы дополнительно подчеркнуть свою лояльность и беззащитность, и она не обманула моих ожиданий. Трагическим шепотом Элли поведала мне, что у нее было и задание попытаться попасть в постель к императору, а не получится — хотя бы собрать побольше сведений о нем. Но она, наверное, неспособная, да к

тому же была занята — ну так занята семейной жизнью... в общем, у нее не получилось, и она прямо не знает, что теперь делать.

Я объяснил, что, согласно специальному императорскому указу, имею право в случае необходимости производить любые действия от его высочайшего имени, каковым правом и готов воспользоваться прямо сейчас. Потом начал было обещать, что сам расскажу ей про Илью столько, что хватит на несколько обширных докладов, но Элли уже избавилась от лишних деталей туалета, так что рассказ сам собой отложился на будущее.

ГЛАВА 2

Неплохая скорость наших кораблей плюс сравнительно благоприятная погода привели к тому, что уже через два с половиной месяца после выхода из Ильинска «Чайка» с «Кадиллаком» приблизились к острову Мадейра. Тут мы собирались сделать первую и единственную остановку на пути в Англию. Ну и посмотреть, насколько серьезен был представитель голландской Ост-Индской компании, еще в мае посетивший наше посольство в Лондоне.

Уже километров за десять до Фуншала стало видно, что в порту куда оживленнее, чем когда мы здесь были в прошлый раз. Тут стояли четыре больших корабля и два средних, примерно с наши шхуны. По мере нашего приближения пять подняли голландские флаги, а небольшой фрегат — португальский. На всякий случай артиллеристы заняли места у орудий, но португалец был настроен на редкость миролюбиво. Мало того что он не открывал пушечных портов, так по мере нашего приближения две шлюпки развернули его носом к месту, где мы встали на якоря. Носовая пушка у фрегата отсутствовала.

От всех же прочих кораблей в нашу сторону направились шлюпки, но я взял мегафон. И хотя меня подмывало на всю гавань процитировать незабвенного Шарикова: «В очередь, сукины дети, в очередь!» — я выразил эту же мысль по-английски и чуть более политкорректно. Вскоре после чего принимал начальника порта — того же, что и в прошлый раз. Он тут же заверил меня, что с недавно прибывшей второй партией французов все в полном порядке, они окружены заботой и ни в чем не нуждаются, а также...

— Сколько? — перебил я его многословные излияния.

— Девяносто один человек, из них тринадцать женщин и двадцать два ребенка.

— Спасибо, но я вообще-то спрашивал про деньги.

В ответ начальник понес какую-то ахинею — типа он не осмелится требовать денег у моей светлости, желая лишь заглядеть память о неприятном инциденте, который...

— Дорогой дон Мануэль, — хмыкнул я, — будь у меня хоть тень подозрения, что вы явились сюда с какими-то требованиями, вас бы давно уже вышвырнули за борт. На будущее запомните и передайте всем интересующимся, что требовать от австралийца может только его непосредственный начальник, в данном случае — сам император, ибо других начальников у меня нет. Всем прочим остается либо просить, либо предлагать. Так вот, мне хотелось бы услышать ваши предложения о том, каковой вам представляется компенсация за пребывание на острове французов.

Вскоре ставший на сто рублей богаче начальник порта отбыл, и его место занял уже ждавший своей очереди господин Питер ван Рибек, доверенное лицо и личный секретарь директора голландской Ост-Индской компании Николааса Витсена. Теперь стало понятно, ради какой персоны сюда заявился линейный корабль, на который последние полчаса с определенным интересом заглядывался главный артиллерист и командир снайперской группы «Чайки» Вака. Впрочем, пока корабль вел себя вполне прилично. А учитывая важность миссии, порученной прибывшей на его борту персоне, вряд ли в ближайшее время следует ждать неожиданностей, подумал я, но, естественно, ничего Ваке не сказал. Ибо его обязанность — быть готовым в любой момент уничтожить все, что может оказаться опасным для наших шхун.

Решив, что остальные подождут, я пригласил ван Рибека пообедать: вопросов к нему у меня было достаточно. На первый из них он ответил сразу — да, из стоящих в бухте кораблей два зафрахтованы для перевозки французов. Шкиперы в курсе относительно наших требований про недопущение смертности среди пассажиров и знают, чем это может быть для них чревато.

— Без этого пункта фрахт вышел бы вам почти вдвое дешевле, — заметил голландец.

— Ничего, не разорюсь. Как вам тушенная кенгурятина? Это я к тому, что мы умеем сохранять мясо свежим достаточно долгий срок. Годами. Это, так сказать, будет дополнительным бонусом шкиперам. Если переселенцы не только не потерпят ущерба в своем здоровье, но и останутся довольны путешествием, мы поделимся этим секретом. Все лучше, чем по полгода давиться тухлой солониной. Ну и пора, наверное, приступить к главному вопросу.

Ван Рибек был полностью согласен и достал уже подготовленный текст договора между Австралией и Ост-Индской компанией. Я внимательно прочитал его. Он ничем не отличался от того, что был передан по радио нашим посольством. Основной смысл бумаги состоял в том, что компания признает нашу зону влияния в заданных координатах, а мы в ответ признаем все ее владения — как имеющиеся на сегодняшний момент, так и могущие образоваться в будущем. Обе сто-

роны обещают воздерживаться от несанкционированных посещений территории друг друга.

Я подписал оба экземпляра, отдал один ван Рибеку и заодно подарил ему роллер, а то больно уж завистливым взглядом он смотрел, как я им пишу. После чего мы перешли к следующему вопросу.

— Во время визита господина Витсена в наше посольство была достигнута предварительная договоренность о постройке для нас нескольких кораблей на верфях компании, — напомнил я. — Причем по нашим чертежам. Прибыл ли с вами специалист, способный оценить наши требования? Чертежи я, естественно, привез.

Оказалось, что специалист прибыл, даже два — они ждут в лодке, которая привезла на «Чайку» ван Рибека. И вскоре они вошли в мою каюту.

Следующие сорок минут я только и делал, что отвечал на их многочисленные вопросы. Собственно, главных было два. Будут ли эти корабли обладать достаточной устойчивостью для того, чтобы выдержать любой шторм? И главное, зачем они вообще нужны, в чем их преимущество перед обычными?

Я ответил, что шторм они выдержат. Смысл же такой формы корпуса и такого парусного вооружения в том, что с ними корабль сможет дойти от Цейлона до Амстердама за два месяца. Или от Ильинска туда же за два с половиной.

Ничего невероятного в моих словах не было: ведь голландцы сейчас изучали чертежи чайного клипера «Фермопилы».

— Дело даже не в том, что это достаточно быстрый корабль, способный при хорошем ветре разогнаться до семнадцати узлов, — пояснил я, — а в том, что даже при ветре в один балл он сможет двигаться со скоростью узла три-четыре.

Надо сказать, что мы с Ильей решили на передачу голландцам чертежей не сразу. Помочь принять решение нам помогли два соображения. Первое — для нас в основном представляли опасность корабли с большим количеством солдат и пушек, а вовсе не те, что способны двигаться при любом ветре. В конце концов, у парохода это все равно получится лучше. Да и вообще чайные клиперы — это все-таки не военные корабли. Второе же соображение заключалось в том, что высшая точка расцвета Голландии уже позади, пусть там почти никто этого не понимает. На всякого рода спекуляциях и посредничестве можно совершить кратковременный рывок, но нельзя обеспечить процветание страны в длительной перспективе. Тут уже нужно развивать промышленность, чем голландцы не очень заморачивались. А вот в Англии это понимали хорошо, несмотря на то что и там и там вроде бы правил один и тот же человек.

То есть чем дальше, тем больше голландцам будет не до нас — у них скоро начнутся свои проблемы. Ну а пока постройка кораблей на их верфях обойдется дешевле, чем в Англии, пусть они их и стро-

ят. Кстати, голландские мастера работают на интуиции, никакой особой теории у них нет, так что вряд ли они смогут сделать серьезные выводы из наших документов. Будут продолжать тупо копировать «Фермошиллы», и все.

Вскоре корабельные мастера вынесли вердикт, что построить такое на верфях компании можно, и удалились. Мы же с ван Рибекком приступили к обсуждению цены.

— У Австралии два предложения, — пояснил я. — Первое — мы целиком оплачиваем все пять кораблей. Но тогда вам нельзя будет строить такие же для себя, и, кроме того, компания возьмет на себя ответственность за сохранение их в тайне. То есть если мы увидим где угодно еще хоть один такой корабль, то немедленно объявим войну Ост-Индской компании. Бомбардировок Амстердама не обещаю, хотя у нас принята программа приоритетного развития воздушного флота, так что, может быть, со временем дойдем и до такого. Но все голландские корабли при встрече с австралийскими будут топиться, это нетрудно.

— Простите, но ведь не все суда нашей страны принадлежат компании!

— А наше какое дело? Пусть ваши купцы вам и говорят спасибо в меру своих возможностей. Но это, так сказать, один вариант. Второй — вы строите нам пять кораблей бесплатно, а потом можете делать их себе или третьим лицам сколько угодно.

— К сожалению, я не уполномочен решать такие вопросы единолично, — развел руками голландец. — Мне нужно посоветоваться с господином Витсенем, а ему, скорее всего, потребуются одобрение совета директоров. С учетом времени пути до Амстердама это может занять от месяца до полутора.

— Ну, столько-то мы в Европе пробудем, однако все равно не теряйте времени.

На этом наша встреча с ван Рибекком закончилась, и до вечера я разбирался с голландскими шкиперами, подрядившимися везти французов в Ильинск. Наконец все вопросы были утрясены, и с кормы «Чайки» вновь ушла в небо зеленая ракета, что означало — «следующий!». По этому сигналу, как я и ожидал, к нам подплыла шлюпка от португальского фрегата.

Честно говоря, у меня были серьезные подозрения, что от нас сейчас начнут требовать объяснений, а то и компенсации за утопленный в позапрошлом году фрегат, так что я дослал патрон в ствол парабеллума и велел палубной команде быть наготове. Однако португалец, представившийся как посланец короля Педру II, был настроен на редкость миролюбиво. То есть он, даже не успев толком откушать предложенного ему тунца под маринадом, начал плакаться про тяжелые времена, наступившие для его страны.

Тут я немного удивился. По моим сведениям, как раз сейчас дела обстояли несколько наоборот. Десять лет назад в Бразилии были открыты месторождения серебра, что позволило королю серьезно укрепить свое материальное положение. И политическое тоже, ибо португальский парламент, именуемый кортесами, распорядился налоговыми сборами. И соответственно выделял часть полученных денег монарху. Или не выделял, это уже зависело от поведения его величества. Бразильское же серебро дало королю возможность послать свой парламент далеко и надолго, после чего править самостоятельно без оглядки на копейки от кортесов и не вспоминая ни о какой демократии.

Однако португалец быстро рассеял мое недоумение. Он объяснил, что средства-то из Бразилии поступают, но в значительно меньших количествах, чем могли бы. Потому как корабли приходится охранять, а с флотом у Португалии сейчас не очень. Больших фрегатов было всего пять, а по несчастливой случайности, произошедшей не так давно, их осталось четыре. Из Индийского океана португальцев практически вытеснили голландцы с англичанами. В Индии осталось три небольшие колонии — Гоа, Диу и Даман.

Я сочувственно покивал. Второе и третье слово мне не говорили абсолютно ничего, но в Гоа любил отдыхать мой сын. Он и меня неоднократно звал составить ему компанию, но я отказывался. Потому как финансы начали позволять нам подобные телодвижения только тогда, когда мне уже перевалило за семьдесят. В таком возрасте как-то уже не очень тянет на экзотику. Но сейчас совсем другое дело, и посещение данного места вообще-то входило в мои планы. А тут, значит, голландцы собираются отобрать его у португальцев? Нет, это не дело. Как я там отдыхать буду, если всякие-разные начнут какие-то войнушки? Руки прочь от моего Гоа! Пусть голландцы обходятся Индонезией, она большая.

Тем временем португалец дошел до сути своих предложений. Он попросил нас по дипломатическим каналам обеспечить неприкосновенность Гоа и прочих мест, откуда их еще не выперли, а также выделить для охраны серебряных галеонов две, а лучше три маленькие боевые яхты. Судя по всему, он имел в виду «Победу». В обмен на это король устами своего посланца обещал нам любые концессии в Бразилии, за исключением мест, где уже обосновались португальцы.

— Нет, — вздохнул я, — концессии нам не нужны. А вот прямые поставки сока гевеи и бальсы не помешали бы. Что означают эти слова? Породы деревьев, вам их покажут на картинках и объяснят, где они растут.

В качестве иллюстрации я продемонстрировал посланнику некий предмет и объяснил, что он делается из сока гондодерева, произрастающего в метрополии, но таких деревьев там мало, а сока они дают еще меньше. Гевея же хоть и не идеально, но все-таки может их заменить.

— Но каково назначение этого изделия? — не понял собеседник.

Я объяснил, после чего португалец минут пять переваривал полученные сведения, а потом у него на физиономии начало проступать понимание, потихоньку переходящее в восторг. Весь его вид чуть ли не кричал: я понял! Понял, почему у австралийцев проблемы с заселением колоний! Да еще лет сто повального применения таких штук — и дальше у них и в метрополии никого не останется! Но углубляться в открывшуюся ему тему он не стал, а поинтересовался объемами наших потребностей. Услышав цифры, мой гость помрачнел, но все же пообещал довести их до сведения его величества, с чем и отчалил.

Перед сном я обдумал итоги первого дня нашего второго визита в Европу. Хотя остров Мадейра скорее всего относится к Африке, политика в его бухте началась самая что ни на есть европейская. То есть нас, как и предполагалось, потащили во всякие союзы. Правда, представители французских властей пока себя не проявили, но зато внезапно вылезли португальцы. И довольно кстати, потому как рабочих рук еще и на серьезную добычу бальсы с резиной у нас просто не было, а в Австралии эта ботаника созреет никак не раньше чем через пять лет. За такое действительно не жалко выделить для охраны два «Груманта» с командами по восемь человек на каждом.

Отбив в лондонское посольство радиограмму о том, что завтра мы покидаем Мадейру и, судя по погоде, через неделю будем в Дувре, я отправился спать.

Вскоре оказалось, что мой прогноз не совсем точен. Первый этап нашего путешествия завершился не через неделю, а спустя восемь дней, и не в Дувре, а в Куинборо. Из посольства сообщили, что нам предлагается идти туда. Наверное, Вильгельм не хотел так уж облегчать французам контакты с нами. Или сыграло роль то, что от Куинборо до Лондона было всего около восьмидесяти километров, а не сто с гаком, как от Дувра. Да к тому же добираться можно было и по воде.

На этот случай мы захватили с собой разборный катамаран с подвесным мотором — сорокасильной «Ямахой». К мотору прилагалась железная труба с небольшим паровым котлом, а внутри этой трубы находилась настоящая турбинка, которая великолепно выполняла возложенные на нее функции, то есть свистела, гремела, тряслась и плевалась паром. Аналогичное устройство, только поменьше, было приспособлено и к квадроциклу, который мог взять на борт катамаран. Потому как лошади в качестве средства передвижения меня устраивали не так чтобы очень. Из кареты ничего не видно, а верхом я ездил без особого блеска, если не сказать больше. Разумеется, это никого не удивило бы, ибо все уже знали, что в австралийской метрополии лошадей нет вообще, а в колониях они появились совсем недавно. И вообще мы, Романцевы, издревле специализировались по верховым мамонтам. Ну а в Англии, где их почему-то нет, придется ездить на квад্রে или велосипеде.

ГЛАВА 3

В отличие от первого визита сейчас погода в Англии откровенно радовала. И хотя на календаре было восемнадцатое ноября, на небе светило солнышко, на земле царила золотая осень, а термометр показывал плюс двенадцать градусов.

Монтировать катамаран мы начали еще в пути, так что через час после нашего прибытия в Куинборо он был спущен на воду. На борту «Чайки» уже имелся дворецкий из Кенсингтона, который должен был показывать нам дорогу, хотя, конечно, по докладам нашего посольства я ее и сам неплохо знал.

В общем, на катамаран погрузили сначала квадрат с прицепом, потом дворецкого, а затем туда перешел я в сопровождении трех бойцов охраны. Герцогиня пока оставалась на нашем корабле. Вообще-то поначалу она тоже рвалась выйти на английскую землю в составе первой партии, но я объяснил ей, почему это не лучший вариант. Ведь народ будет в основном пялиться сначала на катамаран, потом на квадрат, ну и моей персоне перепадет немножко интереса. Если же там окажется еще и Элли, то на ее долю останется не так уж много внимания публики. А вот на втором рейсе она станет главным объектом восхищения и сможет достойно продемонстрировать лондонцам свою неподражаемость, оттененную заморскими нарядами небесную красоту и так далее.

— Это, конечно, правильно, — задумалась Элли, — но как же быть с твоим... э... ограниченным территориальным правом? Которое на триста четырнадцать метров.

Дело было в том, что по австралийскому законодательству у Элли еще не вышел срок моратория на пересечение границ, и она вроде как не могла покидать Ильинска. Однако император издал указ, где говорилось, что я являюсь субъектом ограниченного императорского территориального права, в силу чего местность на триста четырнадцать метров вокруг меня условно считается австралийской колонией. И Элли теперь спокойно могла плыть со мной в Европу.

— Ничего страшного, — успокоил я супругу, — вот прямо сейчас сяду и напишу распоряжение, что от Кенсингтона до Куинборо триста двенадцать метров. То есть ты будешь абсолютно чиста перед законом. — Это я слегка ошибся с измерением расстояния. Надо только не забыть сразу по возвращении напомнить императору, чтобы он объявил мне за это выговор без занесения в личное дело, и все.

Отчалили мы в одиннадцать утра и за четыре с половиной часа достигли Лондона, а потом еще час с лишним плыли уже в городской черте. Не потому, что город был таким уж большим, хотя все-таки вдоль Темзы в нем было не меньше десяти километров, а из-за оживленного движения по реке. В городской черте оно было почти как на

Садовом кольце в час пик. Если же уточнить, что я имею в виду не начало двухтысячных годов, а, скажем, конец семидесятых, моя метафора лишится всякого преувеличения.

Короче говоря, по Темзе во все стороны плавало до фига всяких посудин. От лодочек, где с трудом помещалось три человека и которые в основном сновали поперек реки, до корабликов размером примерно с «Победу», а то и побольше. Они, понятное дело, плыли вдоль.

Наконец в шестом часу вечера катамаран достиг моста, который в будущем называли Старым Лондонским, а в настоящем он был единственным. Размер его арок нам из посольства сообщили давно, так что катамаран там проходил, но к нашему появлению развели подъемную часть у левого, если смотреть с востока, края. Я с некоторым подозрением глянул на ржавые цепи, держащие поднятые части, но все же решил рискнуть: вряд ли они лопнут именно в момент нашего прохода.

Мост, конечно, на мой неискушенный взгляд, смотрелся донельзя экзотично. Казалось бы, он один-единственный в довольно большом городе. Построить его было не просто, нового в ближайшее время не предвидится, значит, надо по возможности увеличить пропускную способность имеющегося. Так нет, англичане поступили строго наоборот. Весь мост был застроен домами, причем вплоть до четырехэтажных! А посреди всех этих архитектурных излишеств торчал шпиль церкви.

Ладно, наличие на мосту лавок еще объяснимо, думал я, разглядывая этот средневековый памятник. В принципе можно понять, почему тут решили построить церковь, — для повышения посещаемости: место-то людное. Но кому понадобилось возводить на мосту жилые дома? Неужели в Лондоне земля столь дорога, что приходится пускаться на подобные ухищрения? А уж жить в них — брр. Это ведь даже не проходной двор — более точной аналогией будет перрон Казанского вокзала.

После моста мы проплыли еще километров шесть, пока не оказались у свежестроенной пристани высотой точно по борт груженого катамарана — ее соорудили к нашему визиту. Я взгромоздился на уже загруженный квадр, охрана заняла место в прицепе, и мы наконец-то оказались на английской земле. Катамаран развернулся и пошел назад, а мы двинулись на север, где в паре километров находился Кенсингтонский дворец, а чуть левее — Гайд-парк. Впрочем, меня туда не тянуло. Судя по докладам нашего посольства, ничего напоминающего шабаши всяких социалистов и либералов там пока не практиковалось.

Еще проплывая по Темзе, я обратил внимание, что на классический средневековый город из учебника истории Лондон похож не так чтобы очень. Улочки были не узкие и не кривые. Вот и сейчас я

ехал по приличной ширины аллее, где несколько раз без проблем разъехался со встречными повозками.

Между прочим, лошади моего квадра не пугались. И значит, имевшие место на заре автомобилизма ограничения были связаны с заботой не о лошадях, а об их водителях. Вот они — да, боялись, что автомобили оставят их без работы, на почве чего и кинулись рьяно защищать фауну своей страны от натиска бензиновых чудищ.

Сначала я заехал в наше посольство, где обнялся с ребятами, сгрузил барахло и отцепил прицеп, после чего на квадре отправился в соседний корпус дворца, к Вильгельму, который ждал меня к ужину.

У парадного входа случилась небольшая заминка. Навстречу мне бросились было двое в ярких ливреях, но в растерянности замерли. Скорее всего, это были конюхи или кто там еще должен заботиться о лошадях гостей. Поводья принять, отвести их на конюшню, что ли...

Я объяснил, что овса моему квадру не нужно, а вот чистой воды не помешает. После чего стравил давление и открыл крышку котла. За время пути от пристани до дворца вода там выкипела больше чем наполовину. Конюхи, посмотрев, куда и сколько лить, убежали, а я в сопровождении мажордома отправился к королю.

За почти два года, что мы не виделись, он немного постарел, в бороде прибавилось седины. Про голову я ничего сказать не мог, ибо Вильгельм был в парике.

Мы поздоровались по австралийскому обычаю, то есть пожали друг другу руки, после чего хозяин пригласил меня к столу. Судя по тому, что даже неизменный королевский камердинер появился только в самом начале, а потом исчез, Вильгельм решил в первую же встречу поднять какой-то серьезный вопрос.

Насколько я был в курсе, у него их имелось два: расстановка сил в преддверии неизбежной войны за испанское наследство и тяжелое финансовое положение Англии.

На втором, пожалуй, следует остановиться подробнее. Хотя последние десять лет экспорт этой страны стабильно превышал импорт, военные расходы заметно превосходили доходы бюджета. Собственно говоря, недавно закончившаяся война за Пфальц оказалась одинаково разорительной для всех участвующих в ней сторон, но кредит Людовика был уже исчерпан, а Вильгельма еще нет. Однако в семнадцатом веке долги все еще было принято отдавать, и с этим в ближайшее же время могли возникнуть большие трудности. Правда, слово «дефолт» в обиход еще не вошло, но дело совершенно явно двигалось именно к нему.

— Друг мой, надеюсь, вы позволите вас так называть? — начал хозяин. — Как мне хотелось бы хоть в первую встречу послушать ваши занимательные рассказы о чудесах Австралии! Но, увы, тяжелое, даже, можно сказать, критическое положение вверенной мне страны

диктует другое. Наверняка ведь вы в курсе текущего экономического положения Англии.

Я не стал отрицать, что в общих чертах я его себе представляю. Правда, про то, что в трюме «Кадиллака» лежало сто тысяч рублей, то есть полтонны золота, да еще на ту же сумму алюминиевых стальных как резерв на крайний случай, и это не считая трех килограммов драгоценных камней, я пока промолчал.

— Если хотите, я могу назвать вам цифры внешнего долга Англии, — продолжал король, — но, как мне кажется, они вам уже известны.

— Да, что-то около ста тридцати миллионов фунтов при совокупном доходе за прошлый год в сорок три миллиона, — кивнул я.

К сожалению, эти цифры мне предоставили не мои разведчики. Их вывел Давенант, а я нашел соответствующее место в монографии, посвященной Грегори Кингу, известному английскому экономисту.

— Судя по тому, что вы подняли этот вопрос, Фуггеры отказали вам в займе, — продолжил я делиться своими сведениями, на сей раз из реферата «Банкирские дома семнадцатого века».

— Еще нет, — улыбнулся Вильгельм, — и я, честно говоря, восхищен вашей осведомленностью. Но могут отказать, особенно если вы не захотите мне помочь.

— В принципе даже те самые сто тридцать миллионов не являются для Австралии запредельной суммой, — заверил я короля, — и вопрос только в обеспечении, которое вы сможете предоставить.

Вообще-то я почти не блефовал. Да, золота у нас не набралось бы и на пятидесятую часть потребных миллионов, но зато запас камней тянул на миллиарды. Правда, чисто теоретически, потому как при хоть сколько-нибудь массивной продаже их цена непредсказуемо упадет.

Вильгельм посмотрел на меня с интересом:

— Ну что вы, я вовсе не прошу у вас одолжить мне такие деньги. Более того, фактически можно обойтись вообще без займа, но именно фактически.

— А, — догадался я, — вы хотите получить авансовый платеж под наши предстоящие заказы? Но оформить его как займ, так?

— Почти. С вашей стороны было большой любезностью выкупить на часть денег некоторые долговые обязательства и не препятствовать слухам, что вы не собираетесь на этом останавливаться, — пояснил Вильгельм. — Если вы согласитесь, я буду весьма вам благодарен, а конкретные формы этой благодарности мы можем обсудить сразу после достижения принципиальной договоренности. Речь идет о сумме порядка двухсот тысяч фунтов.

— То есть примерно ста тридцати тысяч рублей? Ну тут с обеспечением вопросов возникнуть не должно, так что можете считать договоренность достигнутой.

Где-то за полчаса мы в первом приближении разобрались с финансовыми вопросами, и я познакомил короля с единственной имеющейся у меня светской новостью:

— Помните, в прошлый наш визит вам представляли капитана «Победы» Николая?

— Как же, очень приятный молодой человек. И сильно похож на вашего императора, особенно на снимок, где он молодой. Насколько я понимаю, он тоже относится к царствующей династии?

— Да, это сын Ильи Первого. В прошлый раз он пребывал в Англии инкогнито, а теперь просто с неофициальным визитом. Предваряя ваш вопрос: нет, он не наследный принц — у него есть старший брат.

— Простите, — задумался Вильгельм, — но ведь вы с императором одногодки. Сколько же вам лет?

Этот вопрос мы с Илей уже обсуждали и решили, что нашим здешним официальным возрастом будет фактически минус сорок два года, так что я ответил:

— Мне сорок девять, как и его величеству.

— Выглядите вы значительно моложе, — вздохнул собеседник. — И, судя по портрету, император тоже. Однако вернемся к теме нашей беседы. Собирается ли принц Николай покинуть борт своего корабля? И если да, то когда и как?

— Да, ему хотелось бы взглянуть на Лондон. А когда и как это устроить — на усмотрение вашего величества.

Мы договорились, что завтра с утра Вильгельм отправится на своей яхте в Куинборо, где пригласит принца, а заодно и герцогиню Романцеву быть его гостями в Кенсингтоне.

Ночевал я в посольстве, где перед сном успел ознакомиться с довольно интересной новостью, правда пока не подтвержденной. Якобы три месяца назад из Эдинбурга в обстановке повышенной секретности вышли два корабля. Их цель — двигаясь на юг от архипелага Огненная Земля, достичь границ австралийской метрополии и произвести там разведку.

Сообщение было похоже на правду хотя бы потому, что, по имеющимся у Вильгельма сведениям, там находилась самая малонаселенная окраина империи, где крупных городов вообще нет и лишь изредка встречаются охотничьи деревушки.

Немного подумав, я сел к рации. Где-то через час удалось связаться с Австралией, и я отстучал Илье характеристики кораблей, их особые приметы и то, что мои разведчики через завербованного портового плотника смогли выяснить у штурмана одного из них о предполагаемом маршруте. Предупредив, что все это вполне может быть дезинформацией английской разведки, потому как нашим штирлицам пока еще очень далеко до вершин мастерства.

ГЛАВА 4

Когда-то очень давно, где-то через пару месяцев после призыва в армию, я начал было курить, однако года через три бросил. Но с тех пор мне запомнилось, что курящий человек запаха табака практически не ощущает. А когда бросит, начинает его чувствовать опять. Причем, что интересно, он ему, как правило, куда более неприятен, чем тем, кто и не начинал курить.

Нечто похожее произошло и с Элли. Нет, не подумайте, смолить моя супруга не начала, хотя была несколько удивлена тем, сколь энергично я однажды послал некоего лорда, вздумавшего разузнать у меня насчет поставок табака в Австралию. Пришлось прочитать ей краткую лекцию о вреде курения.

Но ее трудности все-таки оказались связаны не с табаком, а с тем, что она выросла в обществе, где мыться в нашем понимании было в общем-то не принято. Гигиенические процедуры для дам высшего света заключались в том, что оные дамы иногда обтирались мокрой тряпкой над тазиком с водой. Но не злоупотребляли подобным: одного раза в два месяца хватало самым чистоплотным. Примерно так же обстояли дела и у мужчин.

С детства живя в такой обстановке, Элли свыклась с тем, что человек должен пахнуть. А тут вдруг она оказалась среди австралийцев, которые принимали душ чуть ли не каждый день! Или просто обливались водой из ведра, если душа рядом не было. Причем и ей пришлось с ходу привыкать к таким процедурам, еще будучи моей невестой. И она привыкла, но, вернувшись в Англию, вдруг обнаружила, что запахи, которых она раньше не замечала, теперь противны ей чуть ли не до рвоты.

Через два дня после нашего прибытия в Англию Вильгельм устроил малый королевский не то прием, не то бал по случаю неофициального визита австралийского принца Николая, на котором, естественно, присутствовали и мы с Элли. В общем, гости сначала потихоньку собирались в большом зале, где титулы каждого выкрикивал специальный мужик с луженой глоткой и железом, коим он стучал об пол после каждого своего вопля. Нас с Элли представили после того, как был объявлен последний из местных, потом озвучили титулы Николая, а в самом конце на торжество явился его величество Вильгельм Оранский.

Кстати, перед приемом король спросил меня о том же, о чем в свое время и наш император, — что я буду делать, если оказываемые моей жене знаки внимания покажутся мне выходящими за рамки приличий. Естественно, я ответил ему примерно то же, что Илье. Вильгельм кивнул стоящему рядом камердинеру, и тот куда-то отчалил — скорее всего, предупредить гостей о специфике предстоящего действия.

Так вот, явился король, еще раз представил присутствующим принца Колю, а потом и меня с герцогиней до кучи, после чего заиграла музыка. Но танцевать никто не начинал, мужчины, открыв рот, пялились на Элли, а дамы делили внимание между ней и принцем. Посмотреть, честно скажу, было на что. Наряд моей супруги смотрелся совершенно вызывающе, а сама она на фоне прочих особей женского пола казалась пастушкой в свинарнике. Массивная же фигура Коли вызывала восхищенные взгляды дам и завистливые — мужчин. Он еще немного недотягивал до своего отца вширь, но зато был выше его на пару сантиметров, а любого из присутствующих, кроме меня, — как минимум на голову. В данный момент он хмуро озирали собравшееся общество.

В какой-то мере в этом были виноваты мы с Ильей. В преддверии выхода в свет бедный Коля был напичкан страшными рассказами о коварстве женщин, которые в этой дикой Европе начнут вешаться ему на шею, причем все без исключения из самых низменных побуждений. Для закрепления материала принцу подсунули «Трех мушкетеров», посоветовав обратить особое внимание на образ миледи. Впрочем, Николай давно уже был не мальчиком, ибо с его внешностью, да еще в условиях примерно двойного количественного преобладания женщин в Ильинске, подобное являлось просто невозможным.

И вот сейчас он переводил свой взгляд с одной дамы на другую, и в нем ясно читалось что-то вроде: «Нет, конечно, если Родина прикажет, я могу и не такое, но по своей воле — хрен! Идут они все лесом, и где только таких уродин откопали».

Оказывается, все ждали первого танца короля, на который он пригласил Элли. Ну а потом народ помаленьку разошелся. В общем, десяти минут моей супруге хватило, чтобы вцепиться в меня и заявить:

— Алекс, отвечай всем, что я не танцую! О боже, тут совсем нечем дышать!

По ней, правда, нельзя было сказать, что она так уж страдала, но все-таки весь оставшийся вечер мы провели у окна в компании принца Коли. Элли не скупилась на характеристики время от времени подгребающих к нам дам и кавалеров, Коля скучал, мне пока было интересно, но не так чтобы уж очень.

После танцев был легкий ужин, где Николай сидел по правую руку от короля, мы с Элли — по левую.

— Кажется, у вас в Австралии балы проходят несколько по-другому? — осведомился король.

Я напряг память. В Ильинске отродясь не было никаких балов, пляски мориори происходили под аккомпанемент бубна и, как правило, по ночам, а всеобщий праздник пока имелся только один — Новый год. Так что я вынужден был припомнить и свою молодость, а потом сочинить из обрывков воспоминаний некий гибрид.

— У нас всякие увеселения устраиваются ночью, — объяснил я, — и в несколько иной последовательности. Сначала народ напьется, а только потом начинает плясать под бубен, гармошку или проигрыватель. Если же кто не силен в искусстве хореографии, то он продолжает пить в компании таких же. Некоторые, правда, считают, что всякий приличный праздник обязан кончиться хорошей дракой, но властью это не приветствуется.

Через пару дней после бала нас посетило официальное французское посольство, благо война уже закончилась, и Людовику пришлось скрепя сердце подписать бумагу о том, что Вильгельм никакой не узурпатор, а, наоборот, самый что ни на есть легитимный английский король. И теперь их посол маркиз де Маргон с тремя сопровождающими его шестерками смог среди бела дня явиться в Кенсингтонский дворец.

Вот она, благодарность королей, мрачно подумал я, глядя на делегацию. Когда для связи с нами требовалось на утлой лодочке декабрьской ночью проشمыгнуть мимо английской пограничной стражи, то посылали де Тасьена, несмотря на его невысокий титул. А как визит перестал быть сопряженным хоть с какой-то опасностью, про виконта даже не вспомнили — и со мной желает разговаривать какой-то лоценький хмырь, на которого и смотреть-то неприятно! Нет, ребята, так не пойдет, подумал я и принял соответствующие меры. По результатам которых через три часа после начала визита сопровождающим маркиза было вручено его бесчувственное тело и письмо следующего содержания, адресованное французскому королю:

«Дорогой Людовик под номером четырнадцать, именуемый также Король-Солнце!

Чем же я так прогневал ваше величество, что вместо великолепного Александра де Тасьена, в чьем облике интеллект органично сочетался с высочайшими душевными качествами и все это было помножено на беззаветную отвагу старого солдата, вы прислали на переговоры какого-то тонконового недомерка? Лик которого не отмечен печатью ни одного из достоинств, присущих де Тасьену, а невоспитанность дошла до того, что этот слабак всего после третьего стакана упал хлебалом в салат и начал там храпеть, урод. Чмо это болотное, а не посол, вы уж извините за мой французский.

С уважением...

Титул, дата, подпись».

Я не спешил, ибо мои разведчики доложили, что царь Петр пока еще в Голландии, но буквально на днях собирается в Англию. И решено было подождать его тут, чем спешить куда-то с риском разминуться по дороге.

Кроме письма Людовику мне пришлось накорябать еще несколько распоряжений про расстояния от Кенсингтонского дворца до множества объектов в Лондоне, иначе пришлось бы сопровождать Элли во всех ее многочисленных визитах. Нет уж, пусть она поедит одна. Во-первых, я ей все-таки в значительной мере доверял, ибо герцогиня была отнюдь не дурой. Ну и вопросы супружеской верности все-таки волновали меня не настолько, чтобы из-за них забросить гораздо более важные дела.

В основном мне пришлось заниматься размещением наших заказов на продукцию английской металлургии. Но на сей раз не в виде чушек — мы хотели получить готовые отливки заготовок под цилиндры и поршни паровых машин, которые у нас будут только обрабатываться. На прямые вопросы, зачем нам понадобились именно такие детали, я не отвечал, но не препятствовал распространению слухов, что это части каких-то очень мощных пушек. Кроме чугунных заготовок нам нужно было и листовое железо для котлов. Медь же мы заказывали в прутках, чтобы из них в Ильинске удобнее было делать проволоку. Вообще-то мои запасы самых разнообразных проводов еще далеко не закончились, но следовало заранее позаботиться о будущем.

Вся эта возня была довольно далека от завершения, когда через неделю после первого визита французов состоялся второй. Видимо, Людовику очень хотелось побыстрее стать счастливым обладателем дирижабля, потому как эту делегацию возглавлял виконт Александр де Тасьен. Однако до его появления я все же успел побеседовать на воздухоплавательные темы и с Вильгельмом.

Разумеется, то, что маркиз де Маргон не понравился мне с первого взгляда, вовсе не являлось основной причиной написания приведенного выше письма. Она заключалась в том, что к его визиту у меня еще не было полной ясности в данном вопросе. Ну а что Людовик после такого послания затаит обиду, ибо все источники характеризовали его как на редкость злопамятную скотину, меня не очень пугало. Ведь что ни говори, а главным и давним его врагом был Вильгельм, с которым мы просто соревновались в выражении дружеских чувств друг к другу. Так что любовь французского короля мне все равно не светила.

В свое время, еще в Ильинске, я неоднократно обсуждал европейские дела не только с Ильей, но и с Виктором.

— Дядя Леша, — спросил он меня, — так мы что, будем поддерживать не Францию, а Англию?

— Витя, — отвечал я ему, постаравшись, чтобы мое выражение лица приобрело должную торжественность, — говорю тебе как пастырю. Австралийская империя, движимая высочайшей моральностью ее руководства, то есть и тебя в том числе, а также христианскими ценностями, всегда будет поддерживать слабого. Она в этом

видит свой долг. Вот так, кто в данный момент слабее среди противоборствующих сторон — того и поддержит. Разумеется, если такая поддержка будет иметь смысл, — той же Испании, например, помогать уже поздно. В данный момент Франция является чуть ли не сверхдержавой в Европе, и это значит, что в ближайшее время нам следует дружить с Англией.

В общем, примерно из таких соображений я и пошел навстречу желанию английского короля уточнить, во что же может встать его стране создание воздушного флота.

— Видите ли, — сказал я, — дальность наших летающих кораблей, которые мы называем дирижаблями, не безгранична. У лучших экземпляров она не превышает трех тысяч миль.

Вообще-то, конечно, я назвал первую пришедшую мне в голову цифру, ибо на том изделии, которым мы собирались осчастливить Людовика, лично я не взялся бы пролететь и трехсот километров. А «Граф Цеппелин» имел расчетную дальность всего в семьдесят, но дальше двадцати километров от аэродрома Франсуа на нем не летал.

— Трех тысяч миль, — повторил я. — Причем даже во время последней атланти-австралийской войны воздушные корабли не могли летать намного дальше — для их доставки к месту боевых действий служили специальные суда, именуемые авианосцами. Но сейчас, скажу вам по секрету, у империи таких кораблей нет. Правда, уже рассматривается программа их строительства, но это достаточно долгое дело. Я веду речь к тому, что, прежде чем окончательно договариваться о стоимости дирижаблей, нужно внести ясность в вопрос их доставки. При отсутствии авианосцев выбора как такового нет. Единственная возможность — везти их в разобранном виде на кораблях, а потом собирать неподалеку от той страны, куда они предназначены. Именно неподалеку, а не в ней, потому как дирижаблестроители являются вершиной инженерной элиты империи и допустить пребывание их на чужой территории невозможно ни под каким видом.

В этом месте Вильгельм уже явно начал понимать, к чему идет разговор, и я продолжил:

— Принадлежность территории я имею в виду не юридическую, а фактическую. На бумаге она может принадлежать кому угодно, но фактически никакой власти, кроме австралийской, там быть не должно. Поэтому как вы смотрите на сдачу нам в аренду островов Силли, например? Лет этак на девяносто девять. Я решил в первую очередь обратиться с подобной просьбой именно к вам, учитывая сложившиеся дружеские отношения между нашими странами. Однако вы, разумеется, понимаете, что в случае отказа Австралия просто вынуждена будет предложить что-то подобное Франции, Испании или Португалии.

Ясное дело, что Вильгельм попросил время на раздумья, правда, добавив, что лично он не видит в моей просьбе ничего неприемлемо-

го. Однако данный вопрос не относится к тем, которые английский король может решать единолично, добавил мой собеседник.

Да уж, подумать ему теперь есть над чем. С одной стороны, в случае положительного решения прямо под носом у Англии образуется чужая военная база. И, судя по поведению австралийцев, они смогут в случае чего ее защитить, иначе не предлагали бы подобного. Но есть и другая сторона проблемы — при скорости австралийских судов и дальности полета их дирижаблей, которые, кстати, летают наверняка быстрее, чем плавают корабли, расстояние от базы до Англии особой роли не играет. Будет ли она в тридцати милях или тысяче, на результате это скажется мало. А в таком радиусе множество островов, и какой-нибудь австралийцы все равно получат. Наконец, чем ближе австралийская база будет к Англии, тем проще при прочих равных условиях туда будет попасть англичанам и труднее — их противникам.

Однако кое-какие соображения у Вильгельма появились сразу, и он не замедлил ими поделиться:

— Понимаете, просто так отдавать кусок территории, пусть и в аренду, чревато непониманием общества. Но вот если произвести обмен...

— Да за-ради бога! Где тут у меня карта-то лежала? Вот она, смотрите. Замечательный остров, по площади раз в сто больше всех островов Силли, вместе взятых. И очень удобно расположен — как раз на полпути между Новой Австралией и метрополией. Мы его специально не объявляли колонией: была мысль устроить там торговую базу, но с этим вы, если появится желание, справитесь ничуть не хуже. Вот, любуйтесь, остров Махорий.

Вообще-то этот остров назывался Маккуори, но я не хотел вводить англичан в искушение столь явно шотландским названием, поэтому слегка австралифицировал его.

— Это, пожалуй, упрощает задачу, — оживился Вильгельм. — Вы позволите взять эту карту, чтобы показать ее кое-кому?

— Да, разумеется, и вот вам еще несколько фотографий с пейзажами острова. И пожалуй, давайте опять вернемся к дирижаблям. Вы совершенно правы в своих подозрениях, что большие воздушные корабли очень дороги не только в производстве, но и в эксплуатации. Гораздо дороже линейных кораблей — в десятки, если не в сотни раз. В Европе сейчас просто нет страны, которая могла бы позволить себе содержать хоть один воздушный линкор, даже если каким-то чудом и ухитрилась бы его купить. Так что оптимальными для начала будут малые дирижабли наподобие заказываемого Людовиком. Заодно на них вы сможете и подготовить кадры. Ну а конкретную цену можно будет уточнить после принятия решения по островам. Однако сразу могу сказать, что для вас условия приобретения будут куда более щадящими, чем для французов.

• Эра надежд •

ПРОЛОГ

Первый лейтенант Небесного Флота Франции виконт Александр де Тасьен повернулся назад и махнул рукой бортмеханику. В принципе можно было и просто выкрикнуть команду в переговорную трубу, но Александр хотел еще раз убедиться, что Пьер готов и будет действовать так, как они договорились.

Тот кивнул и для порядка еще несколько раз качнул рукоятку воздушного насоса, хотя над спиртом и было давление, вполне достаточное для работы горелки на запредельном режиме в течение как минимум десяти минут. Потом взялся за ручку водяной помпы и начал качать ее.

Де Тасьен понимал, насколько ему повезло с бортмехаником. Ведь по традиции туда принимали людей из третьего сословия, а требовались на этом месте большая физическая сила, выносливость, сообразительность и немалая отвага. Но Пьер, отобранный лично им, обладал всеми этими качествами. Ну теперь только бы не струсил в самый ответственный момент...

О том, что в случае взрыва парового котла бортмеханик умрет мгновенно, а ему придется помучиться, но конец все равно будет тем же самым, де Тасьен предпочитал не думать. Он внимательно всматривался вперед, туда, где недавно в разрыве облаков мелькнул серый вытянутый силуэт. По закругленным концам вертикального руля Александр сразу опознал «Шотландию». Дирижабль австралийской сборки второй модификации, с турбиной повышенной мощности и улучшенной управляемостью, способный разогнаться до сорока пяти километров в час, а то и больше. Черт побери, ну почему же у Франции нет таких машин?

Да потому, вынужден был признать первый лейтенант, что нами правит его величество «король-солнце», которому хочется иметь большой небесный флот. И он у него есть — двенадцать воздушных кораблей, в то время как у Вильгельма их всего три. Но, дьявол его задери, они все австралийские! И заправочное оборудование тоже, и по два подготовленных экипажа на каждую машину. Вот англичане и летают практически каждый день. У нас же...

Не сдержавшись, Александр плюнул за борт. На девяти машинах бумажные баллонеты, которые текут, как решето! Реакторов всего четыре, и только один из них австралийский, остальным же для заправки одного дирижабля требуется трое суток. Как раз пока заправляешь один, предыдущий за это время растеряет половину водорода! И вечная нехватка то кислоты, то цинка, то обоих реактивов вместе.

В общем, даже в лучшие времена Небесный Флот не мог поднять в воздух более двух дирижаблей одновременно. И самым боеспособным из его воздушных кораблей была старушка «Франция», за штурвалом которой сейчас и сидел де Тасьен.

Но все-таки у него имелось два козыря. Первый из них — новый паровой котел от лучшего парижского мастера мэтра Бурлье. Мэтр утверждал, что на испытаниях его изделие выдержало двадцать атмосфер. Правда, предохранительный клапан он настроил все-таки на восемнадцать. Так себе козырь, больше чем на семерку не тянет, однако есть и другой, который де Тасьен считал тузом. Вот он, под чехлом из лионского бархата, рядом с пилотским местом. Новейший австралийский пулемет — специальная облегченная конструкция, правда, с барабаном всего на двадцать восемь зарядов. И главное, пули в нем.

Как-то раз, увидев выстрел из австралийской пятидесятимиллиметровой пушки, де Тасьен обратил внимание, что за снарядом остается дымный след. И вместе с королевским пиротехником придумал начинку для пули, которая зажигалась в момент выстрела и горела все время полета пули. Это не только позволяло точно видеть, куда стреляешь, но и не оставляло шансов дирижаблю при попадании. От обычной пули может быть и просто дырка, но те, что заряжены сейчас в барабане, обязательно подожгут водород.

«Шотландию» надо было как можно быстрее уничтожить: слишком много неприятностей этот корабль доставлял французам. Король обещал, что сделавший это немедленно получит графский титул и звание адмирала.

Тут де Тасьен опять плюнул. Обещать-то его величество обещал: ни титул, ни звание денег не требуют. Но почему австралийский пулемет Франция купила только один? Причем не тот, что установлен рядом, а старый, который обошелся всего в полторы тысячи рублей? Мол, академики разберутся, как он работает, и мы наделаем себе таких же. Третий год разбираются, дармоеды! Да и тяжеловат тот всеящий полтораста кило пулемет для дирижабля.

Этот же был куплен самим де Тасьеном и на его личные деньги. Пришлось отдать за него все, что было, то есть восемнадцать ливров! Однако герцог Алекс оказался столь любезен, что предоставил рассрочку на недостающие три тысячи четыреста восемьдесят два. И подарил на память алюминиевую сторублевую монету, из-за которой чуть не передрались два королевских ювелира, но денег от ее продажи с лихвой хватило на изготовление горящих в полете пуль.

Облака становились все реже, и Александра начало помаленьку одолевать беспокойство. Как бы не заметили его англичане раньше времени — ведь тогда они смогут легко уйти, пользуясь преимуществом в скорости.

После недолгих сомнений Александр дернул за шнур под пилотской скамейкой, и последний из четырех мешков с песком полетел вниз. Балласта уже нет, но надо подняться повыше, где облака вроде чуть гуще.

Теперь первый лейтенант избегал смотреть в ту сторону, где летел пока не замечающий его английский дирижабль. Александр точно знал, что внимательный взгляд можно почувствовать. Вот он полгода назад почувствовал, потому и жив до сих пор. Наоборот, де Тасьен смотрел вверх и при этом бормотал только что придуманную не то песню, не то молитву: «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не дирижабль!» Еще минуты три — и англичанам никуда не деться. Для разворота им потребуется время, за которое более тихходная «Франция» подойдет на дистанцию выстрела. Минута... другая... о дьявол!

Подвижное перо вертикального руля «Шотландии» пошло вправо. Заметили, лимонники, и начали поворот. А их бортмеханик оторвался от рычагов и возится со штуцером. Это он зря, но ведь и так может уйти!

— Давай! — заорал де Тасьен в переговорную трубу.

Сзади раздались металлические удары: это механик забивал клин в предохранительный клапан. А потом хекнул и начал качать. Ох как начал! Рукоятка помпы чуть не гнулась в его могучих руках, и временами Александру казалось, что сквозь все повышающийся истощенный вой турбины он слышит громкое сопение бортмеханика. «Францию» раскачивало — то ли от порывов ветра, то ли от титанических усилий Пьера.

Де Тасьен закрепил штурвал, педали и, сдвинувшись вправо, осторожно снял чехол с пулемета. Виконт считал, что на земле ценность этого оружия невелика. И не столько из-за большого веса, сколько из-за возможности загрязнения. Несколько песчинок, попавших в тонкий механизм, вполне могут вызвать задержку или даже полный отказ. Но тут-то, в небе, откуда им взяться? Да и дым после первых же пяти выстрелов на земле закроет весь обзор, а на дирижабле его сразу сдует назад.

Лейтенант быстро разжег спиртовку, закрыл отсек бойка стеклянной крышкой и, пока игла раскалялась до малинового свечения, еще раз проверил зазоры в шестеренках и толкателях, хоть и лично регулировал их перед вылетом. Все в порядке, можно заводить пружины — сначала большую, барабана, потом малую, затворного механизма. Это следовало делать перед самым открытием огня: от долго стояния в сжатом виде пружины могли ослабнуть.

«Шотландия» тем временем развернулась уже почти наполовину, а ее бортмеханик выстрелил из своего штуцера. Ясное дело, не попал: между дирижаблями еще не меньше трехсот метров!

В свист турбины начал вилетаться какой-то скрежещущий звук, но де Тасьен не обращал внимания — ведь осталось всего несколько секунд. Он совместил мушку с вырезом в прицельной рамке так, чтобы они смотрели прямо в центр надписи «Роял айр нави» на борту англичанина. И дал короткую пристрелочную очередь. Пули прошли ниже — значит, он недооценил расстояние до «Шотландии». Ствол чуть вверх...

Турбина сзади загремела так, что де Тасьен почти не слышал грохота своего пулемета, но он видел, как яркие черточки по крайней мере трех пуль исчезли в борту английского дирижабля. Сначала не происходило ничего, но потом ближе к хвосту из-под обшивки вырвалось пламя, а в следующий момент «Шотландия» взорвалась! И тут же «Францию» затрясло, вместо воя сзади пошел лязг, вскоре заглушенный мощным свистом стравливаемого пара. Подождав, пока он прекратится, де Тасьен обернулся.

— Турбине кирдык! — крикнул ему механик.

И в Англии, и во Франции воздухоплаватели давно мерили расстояния в метрах, вес — в килограммах, а объемы — в литрах. Кроме того, среди них получили распространение характерные слова, которыми комментировали различные ситуации австралийские инструкторы.

Конечно, Пьер человек смелый и сильный, однако его техническая грамотность оставляет желать лучшего, подумал де Тасьен, глядя на развороченный корпус турбины, из которого торчали гнутые лопасти. Какой же это кирдык? Тут совершенно явный песец, даже и говорить не о чем.

Потом лейтенант посмотрел вниз. Там, примерно в полукилометре, блестела чуть подернутая рябью волн поверхность Ла-Манша. Судя по тому, что ни одного из берегов не было видно, они находились примерно посередине, то есть не менее чем в пятидесяти километрах от Шербура.

Де Тасьен попытался оценить направление и скорость ветра. Их понемногу несет туда же, куда движутся волны, то есть на восток, вдоль пролива. Это нехорошо, так можно лететь долго, а залететь вообще черт знает куда. Впрочем, из-за утечек дирижабль все равно опустится не позднее чем через сутки. А что вверх?

Там облака шли в нужном направлении, то есть на юг, но до них было не меньше километра. И значит, надо сбрасывать все, без чего можно обойтись, чтобы набрать необходимую высоту.

Пьер это тоже понял, отчего взял гаечный ключ и начал было откручивать гайки крепления спиртового бака. В безмерном изумле-

нии де Тасьен смотрел на действия своего бортмеханика, но быстро очнулся и рывкнул:

— Двоечник! Каким местом ты слушал объяснения господина Цепелинука? Сбрасывать надо в первую очередь то, что больше весит, а вода гораздо тяжелее спирта! Значит, первым делом водяной бак. За ним — котел, мэтр Бурлье не надорвется сделать еще один. Не хватит — скинем турбину, один черт ее уже не починить. И только потом, если этого окажется мало...

Механик занялся водяным баком, а виконт повернулся спиной к штурвалу и педалям — все равно рули уже не могут оказать никакого влияния на полет. Достал из ящичка под сиденьем небольшой австралийский стаканчик из очень легкого полупрозрачного материала, открыл краник, налил горючего и, задержав дыхание, употребил. Эх, до чего же хорошо пошло!

Проводив взглядом кувыркнувшийся вниз водяной бак, Александр расстелил на сиденье рядом с собой шелковый платок, выложил туда три недозрелых томата, после чего достал алюминиевую флягу. В ней сейчас булькал не спирт, а пиво, ибо горючего в баке вмещается двести литров — зачем его лить еще и в эту несерьезную емкость. Правда, к текущему моменту запас спирта был выработан чуть больше чем наполовину, но оставшегося все равно хватит. Пиво же, хоть оно и простонародный напиток, великолепно подходит запивать стаканчики от второго и далее. Гораздо лучше анжуйского или даже шампанского вина, хотя некоторые, например шевалье де Кувре, так не считают. Ну и бог им судья, Александр вообще недавно с удивлением услышал от королевского медика, что плоды томатов, например, страшно ядовиты. Да что может понимать эта клистирная трубка, когда сам герцог закусывает спирт именно ими? Особенно хороши вот такие, еще слегка зеленватые.

Посмотрев, как вслед за водяным баком вниз отправился котел, де Тасьен принял еще стаканчик, закусил томатом и, самую малость подумав, для полной гармонии добавил пару глотков пива.

Вовсю светило солнце, и вообще жизнь явно была хороша. И австралийцы молодцы — придумали сделать крепления так, что для сброса любого оборудования требовались усилия всего одного человека, так что вставать и идти помогать Пьеру, начавшему возиться около турбины, не было никакой нужды.

Виконт опять взялся было за стаканчик, но глянул влево и засунул емкость обратно в ящик. Пулемет! Вот его-то ни под каким видом сбрасывать нельзя, а значит, надо загасить спиртовку, распустить пружины, протереть подающий механизм и аккуратно зачехлить оружие. И только потом продолжить утоление духовной жажды. Кстати, как там высота? О, уже почти добрались до второго слоя облаков, и теперь ветер ощутимо сносит дирижабль на юг. Так что

сбросим турбину, и высоты с гарантией хватит долететь до берегов Франции.

Де Тасьен с любовью смотрел на хитрый механизм, обошедшийся ему в совершенно непредставимую сумму. И не суть, что он ее не отдавал: долг есть долг, от него никуда не деться. Единственное утешение — герцог, ясно понимая стесненные обстоятельства виконта, не настаивал на скорейшем погашении, предоставив срок в пятьдесят лет. И специально подчеркнул, что на наследников этот долг не перейдет, так что дорогой виконт может не опасаться, что в случае, например, его преждевременной гибели в бою у него, Алекса, будут какие-нибудь претензии к его семье.

«Ха, даже если мне и дальше так будет везти, что я в конце концов умру в своей постели, то все равно это случится гораздо раньше, чем через пятьдесят лет», — подумал тогда виконт.

Тут он был и прав, и не прав одновременно. Ему действительно было не суждено дожить до окончания пятидесятилетнего срока, но совсем немного — всего полгода. Граф Александр де Тасьен, генерал-адмирал Небесного Флота Франции, кавалер орденов Святого Михаила, Святого Духа, Святого Людовика и даже австралийского Дружбы Народов, скончался в самом начале пятьдесят шестого года века железа и пара на девяносто четвертом году жизни. Да и то принявший последний вздох графа врач утверждал, что если бы не излишняя любовь адмирала к горячительным напиткам, коей он не изменял до последнего дня жизни, то его сиятельство прожил бы еще как минимум несколько лет.

Но сейчас, в июле одна тысяча семьсот шестого года, Александр де Тасьен, понятное дело, знать этого не мог. И поэтому, убедившись, что турбина благополучно покинула гондолу, он откушал третий стаканчик, запил, закусил, аккуратно свернул платок. После чего, откинувшись спиной на закрепленный штурвал, уперся ногами в спиртовой бак и надвинул на глаза козырек летного шлема. Жизнь была не просто хороша, а натуральным образом прекрасна. И, значит, ничто не помешает вздремнуть часа три-четыре, за которые ветер донесет неуправляемый дирижабль до берегов Франции.

ГЛАВА 1

Двадцать девятого июля угольные ямы крейсера «Капитан Врунгель» наконец-то были заполнены, хотя и с заметным опозданием. Уголь поставляли англичане, но, после того как мы чуть не утопили их линейный корабль «Сент-Джордж», Вильгельм счел нужным показать, что он обиделся, и начал волокитить угольные поставки.

Наша база на архипелаге Силли представляла собой оазис мира посреди охваченной Войной за испанское наследство Европы. Ко-

рабль любой страны мог зайти в гавань на острове Сент-Агнес, а прибывшие на нем — поговорить с австралийскими представителями о чем-нибудь возвышенном. Например, о поставках турбин или пулеметов. Но естественно, англичанам не нравилось, когда к нам с подобными целями заглядывали на огонек французы, эти желали не допустить австрийцев и тех же англичан, и так далее. Пару раз в непосредственной близости от островов устраивались настоящие бои, причем второй раз это произошло во время моего четвертого визита в Европу. Полночи два каких-то урода палили друг в друга из пушек, спать не давали! А у нас, между прочим, на острове Сент-Мэрис база дирижаблей, мало ли — залетит какое-нибудь шальное ядро.

Короче говоря, я тогда взял карту, циркуль и обвел вокруг центра архипелага круг восемнадцатикилометрового радиуса, после чего довел до заинтересованных сторон, что отныне тут демилитаризованная зона. И всякий, кто вздумает стрелять в ней хоть из пистолета без санкции австралийцев, немедленно на своей шкуре почувствует мощь их артиллерии.

Кстати, англичане, как и в будущем, сейчас совершенно явно вели политику двойных стандартов. Когда мы два года назад сожгли решивший нарушить покой мирного архипелага французский фрегат, Вильгельм нисколько не возмутился. А вот когда их линкор в пятнадцати километрах от нашего берега вздумал обстрелять французскую шхуну и словил за это торпеду с патрульного катера, английский король впал чуть ли не в прострацию. Мол, это второй по мощи корабль английского флота, а вы с ним поступили так некрасиво. На чем теперь с французами воевать?

И ладно бы мы утопили их корыто, так нет, оно осталось на плаву, хоть и в сильно поврежденном виде. Что поделать, это же первое натурное испытание наших торпед. И кстати, по его результатам они были признаны недостаточно мощными. Говорил я Илье, что английский линкор — штука очень прочная и такой мелочи, что мы делаем, ему может не хватить, а император не верил.

Но тут получилось очень удачно в том смысле, что на подвергшейся нападению шхуне к нам плыл де Тасьен. И я показал ему облегченную модель барабанного пулемета, а потом проследил, чтобы он получил хоть какие-нибудь сведения о трассирующих пулях и снарядах. То, что виконт мужик сообразительный, я уже знал, и в этот раз он тоже оправдал мои ожидания. Через две недели после инцидента с линкором новейший английский дирижабль «Шотландия» был сбит, а спустя четверо суток на Силли заявился сам королевский камердинер Натаниэль Мосли. Он сообщил, что все виновные в волоките с угольными поставками уже наказаны, два груженных корабля вышли из Кардиффа и завтра будут здесь. А ему поручено обсудить условия срочного заказа нового дирижабля, от-

личающегося от «Шотландии» мощным оборонительным вооружением.

Так что флагман нашего крейсерского флота в ближайшее время сможет пуститься в путь к берегам Таганрогского залива.

Этот самый флот состоял из трех довольно похожих по конструкции корпуса, но вообще-то разных кораблей.

Первый из них при закладке был назван броненосцем, хотя по сути являлся канонерской лодкой береговой обороны. Он получил имя «Матрос Фукс» и нес службу у берегов Австралии.

Второй был сделан заметно мореходнее, и сейчас «Старший помощник Лом» демонстрировал австралийский флаг в Красном море. А «Капитан Врунгель» отличался от своих собратьев еще и двигателями. У нас наконец-то получилось сделать прямоточные машины двойного расширения мощностью в восемьсот сил, и две таких стояли на «Врунгеле», благодаря чему он на одной заправке мог пройти десять тысяч километров со скоростью восемнадцать километров в час. На предельной мощности машин скорость составляла чуть больше тридцати.

Все три корабля были полностью лишены парусного вооружения. Правда, на их атрофированных мачтах при желании можно было растащить куски полотна, хранящиеся в каптерках, но это на такой крайний случай, которого до сих пор не было, причем я надеялся, что и не будет.

Вооружены они тоже были почти одинаково, имея в качестве главного калибра по четыре стомиллиметровых пушки. Правда, на «Врунгеле» стояли орудия чуть подлиннее, сорокакалиберные, то есть с длиной ствола четыре метра. Из них ученики Ваки могли вполне прилично стрелять на семь километров.

Для самого же Ваки это был последний перед пенсией поход, за время которого он собирался окончательно убедиться, что вырастил достойную смену. Все-таки ему недавно стукнуло пятьдесят девять лет, и он собирался по возвращении в Австралию осесть в Ильинске, где заняться преподавательской деятельностью.

Этот визит в Европу, как и два предыдущих, я совершал без Элли. Все-таки оставлять двоих сыновей было еще рано, пусть хоть немного подрастут — и тогда герцогиня вновь сможет сопровождать мужа в его дальних путешествиях. Ну а пока я один занимал трехкомнатную адмиральскую каюту «Капитана Врунгеля» — очень большую по сравнению с той, что была у меня на «Чайке», и непредставимо огромную, если сравнивать ее с клетушкой на «Победе».

Вообще-то я не очень расстраивался из-за задержки с углем, потому что на Силли еще не явились «Молния» и «Катя» — корабли, построенные для нас голландцами по типу чайных клиперов. Мы вышли из Ильинска одновременно, но парусники отстали, хотя

«Врунгелю» пришлось три раза дозаправляться — на острове Амстердам, в Кейптауне и на Мадейре.

«Молния» была сделана как пакетбот, то есть грузопассажирское судно, и везла второй состав Иностранного легиона в количестве трехсот с небольшим бойцов. Вернувшиеся на родину legionеры первого призыва продемонстрировали столь богатую добычу и премии, да потом так расписали свои подвиги, что конкурс в наш Иностраный легион достиг пяти человек на место. Принимались туда исключительно арауканы, уже показавшие свое воинское искусство. А заниматься новым легионерам придется тем же самым, что вполне успешно делал и первый состав, то есть истреблением ногайцев. Кстати, среди командного состава было три десятка человек, пожелавших отслужить второй срок.

«Катя», построенная по чертежам «Катти Сарк», являлась чистым грузовиком и везла в основном оборудование для Ост-Австралийской компании, в том числе два небольших паровозика и восемь вагонов, среди которых был и мой персональный салон. Потому как мне предстояло довольно далекое путешествие, аж в Москву. Дело в том, что меня туда пригласил Петр на свою свадьбу. Причем женился он не на ком-нибудь, а на принцессе Светлане Бариновой, в преддверии свадьбы принявшей православие и сменившей имя на Екатерину.

За восемь лет, прошедших с момента основания Ост-Австралийской компании, она смогла протянуть железные, а точнее, чугунные дороги от Донецка в одну сторону — до Таганрога, а в другую — до Орла. Между Старым Осколом и Донецком регулярно курсировали два десятка рангоутных поездов с велосипедным приводом, причем иногда они ухитрялись проходить под парусами до половины пути. Настала пора переводить дорогу на паровую тягу. Правда, до такого технического маразма, как паротурбинный паровоз, мы с Ильей все же не дошли, хотя подобная мысль была, так как у нас валялась без дела коробка передач от КамАЗа. Но она была всего одна, так что мы просто спрятали поршневые машины внутри наших паровозиков, а снаружи все-таки присобачили турбины, которые не только гремели и свистели, но еще и крутили генераторы. Разумеется, машинисты будут знать, что находится в недрах их машин, но они никому не скажут. Потому как нам действительно удалось повернуть конструкторскую мысль Европы в сторону турбин, и сейчас все считали поршневые машины тупиковой ветвью развития.

И значит, от Таганрога до Орла мне предстояло ехать по чугунной дороге. В Орле к моему визиту компания построила деревянный катамаран, двигатель для которого я вез с собой. Вот это уже была турбина, но с конденсатором отработанного пара и гибким валом, то есть сделанная как положено. Она оказалась даже чуть экономичней, чем поршневой паровик такой же мощности, но мы не

были уверены в ее ресурсе. Впрочем, от Орла до Москвы и обратно его явно хватит. И наверняка останется, так что потом этот кораблик будет преподнесен Петру в качестве свадебного подарка, но с отложенным вручением. На ее редуктор и пошли шестеренки от той самой коробки. По идее, они смогут служить долго, потому как наша турбина крутилась хоть и быстрее, чем камазовский движок, но мощность имела всего около шестидесяти сил.

В Орле, Калуге и Коломне были подготовлены угольные склады. Ну и в крайнем случае топка сможет работать и на дровах, а уж леса-то по берегам Оки более чем достаточно.

Разумеется, водный путь был существенно длиннее сухопутного. Но, надеюсь, все помнят про две российских беды? Правда, точно неизвестно, кто автор этого афоризма — Гоголь, Салтыков-Щедрин или Николай Первый, — но его истинность до сих пор не оспаривалась. Причем про дураков я точно не знаю, но дороги в петровские времена были хуже, чем при любом из потенциальных авторов афоризма. Так что даже по времени путь в восемьсот пятьдесят километров по воде окажется быстрее, чем в четыреста по дорогам России самого начала восемнадцатого века. Ну и барахла с собой можно будет захватить существенно больше, это тоже немаловажно.

Особых боестолкновений на пути от островов Силли до Азова не предвиделось, хоть в Средиземном море сейчас и воевали. Но ведь не дураки же они, все эти воюющие стороны, чтобы нападать на три австралийских корабля! А проход через все три пролива уже шестой год был для наших судов свободным не только по факту, но и официально, о чем у меня имелась богато украшенная шнурами и печатями бумага от султана. В Керчи же вообще сидел гарнизон Ост-Австралийской компании. Он занимал маленькую крепость на мысу, которую мы просто купили у турок за двадцать алюминиевых стольников, алмаз весом в тридцать два карата и рубин раз в пятнадцать тяжелее. Кажется, он оказался самым большим в султанской сокровищнице, но меня это не очень волновало. Надо будет — в обращении появятся камни весом по полкило. И единственным неудобством от того, что Керчь оставалась турецкой, была необходимость содержать там три небольшие лодки под австралийским флагом. Когда русский корабль хотел пройти через пролив, одна из этих лодок его сопровождала.

А вообще-то Ост-Австралийская компания имела и свои войска, численность которых к началу шестого года достигла двух с половиной тысяч человек. Причем в основном не австралийцев, а русских.

В уездах, через которые проходила чугунная дорога, каждый крестьянин, подходящий по возрасту и здоровью, мог податься в армию компании. Где подписывал контракт на шесть лет, по истечении которых становился свободным человеком. Рядовой получал три австралийских рубля в год, ефрейтор — пять, сержант — десять, плюс на

дембель каждому было обещано по тройку. Ясно, что желающих почти сразу стало больше, чем вакансий. Помещику за каждого ушедшего в армию платилось от шестидесяти копеек до рубля двадцати, причем русскими деньгами, за которыми еще нужно было ехать в Москву, в Кумпанскую коллегию. Правда, если тот помещик с должным почтением относился к нагрянувшим к нему в гости австралийским вербовщикам, с ним расплачивались сразу и монетами с портретом Ильи Первого, которые были где-то раз в пять весомей русского рубля. Поэтому большинство не очень возмущалось, особенно после одного инцидента. Тогда какой-то урод, владеющий несколькими деревеньками под Курском, велел выпороть троих парней, собравшихся в армию компании, вследствие чего один из них умер. Но вскоре туда явилась наша рота и под барабанный бой расстреляла помещика у стенки его собственного дома, а потом на всякий случай еще и управляющего. После чего вдове и наследникам объяснили, что теперь они наверняка испытывают к компании столь теплые чувства, что задаром и без звука будут отпускать любого, пожелавшего не только служить, но работать на объектах компании, ибо стенка для непонятливых — вот она. Этот эпизод произвел должное впечатление. Поначалу я опасался, что он не понравится Петру, но царь отнесся к произошедшему без малейшего интереса, ибо как раз тогда на вооружение гвардейских полков начали поступать штуцеры производства Донецкого оружейного завода.

Если кто помнит, директорами компании значились мы с Петром, так что произошедшее было оформлено от его имени. А первым вице-директором уже четвертый год работал Василий Баринов, пошедший на повышение после пяти лет службы в лондонском посольстве и годичного отпуска на родине.

Надо сказать, что у меня имелась и еще одна причина посетить Москву, хоть и не такая важная, как свадьба Петра и Екатерины. Дело в том, что Россия все-таки вляпалась в войну со Швецией.

Северная война этой истории началась на три года позже, чем в той, что я учил в школе, но протекала почти так же. Отсрочка же была связана с тем, что Петр первое время ну никак не поддавался на уговоры датского короля Фредерика и своего польско-саксонского собутыльника Августа, так что они в конце концов плюнули и начали войну без него.

Поначалу фортуна им улыбнулась. То есть это они так думали, а на самом деле Карл или его советники оказались в десять раз умнее польского и датского королей, вместе взятых.

Суть проблемы была в банальном отсутствии денег у Карла, которые ему ну никак не хотел давать парламент. И молодой король просто дождался, пока его оппоненты прониклись величием своих полководческих дарований до полной потери осторожности, а даже до последнего депутата дошло, что еще чуть-чуть — и у Швеции от-

нимут все ее владения на восточных берегах Балтики. После чего, получив финансирование, Карл занялся подготовкой армии, но как раз в это время Петр совершил серьезную ошибку.

Забеспокоившись, что поляки с датчанами заберут себе все, он заявил, что готов к союзу. Тогда, в конце одна тысяча семьсот третьего года, казалось, что Август вот-вот возьмет Ригу и Нарву, а Фредерик бодро вторгся в Голштейн-Готторпское герцогство и через два дня на третий слал оттуда победные реляции. Даже если бы это было правдой, Петру все равно следовало повременить, однако излишняя терпеливость в число его недостатков не входила никогда. В общем, он пообещал начать военные действия в Ингрии так быстро, как только сможет, но все равно опоздал.

Карл в хорошем темпе высадил морской десант под Копенгаген и пригрозил разрушить его к чертям, если Фредерик тут же не уберется с захваченных земель и не заключит мир со Швецией. После чего, не дождавшись даже официального подписания этого мира, погрузил свое войско на корабли и через неделю нанес Августу сокрушительное поражение под Ригой. Из-под Нарвы польско-саксонское войско убралось само, спеша то ли на помощь своему королю, то ли просто сбежать, но было поздно, потому как Карл быстро развернул войска и ударил теперь уже по этим. В результате Август еле унес ноги, но без армии. Карл тоже двинулся в Польшу, но, естественно, не один, а во главе своих победоносных войск.

Вот тут бы Петру и сделать вид, что он здесь вовсе ни при чем! Но русский царь решил, что если Карл увязнет в Польше, то ему будет не до Нарвы. Ну и договор опять же хотелось соблюсти, без этого тоже не обошлось.

Было бы Карлу где увязать! Да и разведка у него работала не в пример лучше русской, так что полки Петра еще только начали, сами увязая в осенней грязи, движение к Нарве, а Карл уже скрытно перебросил туда восемнадцатитысячный корпус, которым, как всегда, командовал лично.

В общем, разгром под Нарвой тут был даже более основательным, чем в нашей истории. Русская сорокапятитысячная армия, еще не успевшая занять позиции, сразу оказалась рассечена на две части. Причем боеспособные гвардейские полки попали в окружение без артиллерии, которой сейчас у Петра благодаря деятельности нашей компании было довольно много. Разумеется, пушки были старого образца, такие же, как у Карла, только чугунные. И все они попали к шведам, после чего три дня подряд сильно увеличившаяся в числе шведская артиллерия обстреливала позиции окруженных полков, пока их остатки не сдались в плен.

Царь даже не успел прибыть к месту событий. Когда он выехал из Пскова, все было еще нормально, но через несколько дней его перехватили сразу несколько курьеров с вестью о небывалом разгроме.

Дальше все пошло примерно как у нас, то есть сейчас Москва копила силы, примеряясь для начала попробовать взять Нотебург и Ниеншанц, а Карл увлеченно гонял Августа по Польше и прикидывал, как скоро он перенесет военные действия в Саксонию.

Петр уже не раз спрашивал меня в письмах, собирается ли Австралия помочь России в Северной войне. На это я ответил, что посылать свои войска мы не будем, но через Ост-Австралийскую компанию окажем всю необходимую помощь техникой, оружием и деньгами. И вот сейчас мне предстояло конкретно договариваться с царем, что будет сделано, когда и почему.

ГЛАВА 2

Пожалуй, не помешает уточнить обстановку, сложившуюся в Европе к моему пятому визиту туда.

Разумеется, то, что я на стыке веков подкормил Карлоса витаминами и иммуностимуляторами, да плюс еще перевел короля в чуть более приличную обстановку, радикально на ситуацию повлиять не могло. Слишком уж большой букет всяких болячек, про многие из которых я небось и не знал, скопился у испанского величества к сорока годам. С папой получилось примерно так же. Он прожил лишний год, покинув этот мир в декабре семьсот первого. Карлос пережил Иннокентия, но ненадолго, скончавшись в ноябре семьсот второго. Через полгода после смерти испанского короля началась война за его наследство, к которой все стороны активно готовились уже несколько лет.

Поначалу французы одержали две серьезные победы. Первую — буквально на третий день войны, когда их атлантическая эскадра благодаря разведке с воздуха смогла подловить англичан, движущихся двумя колоннами, по частям. И хорошо вломить сначала первой половине английских морских сил, а потом второй. В это время австрийский флот, хоть и был не бог весть каким боеспособным, вообще не принимал участия в войне. Ибо Англия и Священная Римская империя были, конечно, союзниками, но не настолько, чтобы вот так сразу ринуться помогать друг другу, отодвинув в сторонку собственные шкурные интересы. Так что через четыре месяца австрийцы потерпели поражение в Испании, причем здесь ситуация выглядела зеркально. У англичан имелись сухопутные войска на Пиренеях, но они даже и не подумали помочь избиваемым австрийцам.

Наиболее же сильно отличалось от нашей истории положение и поведение Турции.

Начнем с того, что тут продолжал сидеть на троне все тот же султан Мустафа Второй, чью туфлю в свое время мне так и не дали поцеловать. Жмоты, я ведь уже раскатал было губы на эквивалент по-

лутора тонн золота, выраженный в поставках турецкого зерна в Австралию! Но султана одолела жаба, и мне пришлось ограничиться поясным поклоном за такие смешные деньги, что сумму даже неудобно вспоминать.

Так вот, Людовик в преддверии войны прилагал немалые усилия, в основном финансовые, чтобы втянуть в нее Турцию в качестве своего союзника. Видимо, сверхплановые поступления и способствовали тому, что очередной янычарский бунт в семьсот третьем году, в результате которого в нашей истории Мустафа слетел с трона, здесь кончился неудачей. А главный мулла и верховный толкователь Корана при султানে, забыл, как по-ихнему называется эта должность, наконец-то оказался в немилости, где был тихо отравлен, и бразды правления окончательно взял в свои руки великий визирь Хусейн-паша Кёпрелю.

Глядя на ухаживания Людовика за Мустафой, Вильгельм прикинул кое-что к носу и сделал, с моей точки зрения, очень красивый ход. Он договорился о союзе с Венецией, причем ему это обошлось четверо дешевле, чем французам в отношении Турции. И участие последней в Войне за испанское наследство свелось к тому, что турки со всем пылом ринулись разбираться с родиной Вивальди. Что не приносило ни малейшей пользы Людовику и ни малейшего вреда Вильгельму. Правда, самой Венеции было совсем худо, и, похоже, теперь она могла прекратить свое существование как государство задолго до Бонапарта, но это никого особенно не волновало.

Ну и Вильгельм, как нетрудно догадаться, здесь и сейчас был живехонек, даже и не собираясь помирать ни от какого воспаления легких. Правда, он заметно постарел на своей ответственной и нервной должности, но это, так сказать, неизбежные издержки профессии.

В Северной Америке тоже всюю воевали. Обе стороны пытались пакостить супостату руками местных индейцев, но у французов пока получалось явно лучше. Мы это знали точно, потому как там для наблюдения находилась небольшая австралийская эскадра, состоящая из «Чайки» и «Победы» под командованием Михаила Баринова.

Вообще-то это была комплексная экспедиция. Официальным ее прикрытием являлось изучение перспектив прямой торговли с тамошними колониями, на что нам дали разрешение и Англия, и Франция. Обеим сторонам весьма понравились наши старые тридцатимиллиметровые пушки, которых в свое время было наделано десятков пять, но для действий на море они подходили не очень. Ну а тут, где основным типом укреплений был наскоро сооруженный бревенчатый частокол, да и то далеко не всегда, эти легкие орудия оказались в самый раз, да и они могли перевозиться по лесным тропинкам на лошадях.

Кроме того, мы с Ильей в свое время читали Фенимора Купера, да и артист Гойко Митич нам тоже нравился, так что Михаилу пред-

стояло потихоньку донести до индейцев понятие национально-освободительной борьбы. И посмотреть, какие вооружения в этом случае окажутся самыми эффективными, чтобы потом мы поставляли именно их, даже если для этого придется провести новые разработки.

Помимо вышеперечисленного перед экспедицией стояла задача изучить места залегания утонувших кораблей с грузом золота, серебра и драгоценностей, ибо мы собирались пополнять свои валютные запасы еще и таким образом. Первого из утопленников, галеон «Санта-Паулу», Михаил уже нашел вблизи побережья Флориды, практически там, где он был обозначен на моей карте. Этот корабль застрял меж двух подводных скал на глубине пятидесяти метров, и туда уже спускались наши водолазы. Они оценили находящиеся в трюме галеона сокровища примерно в три миллиона австралийских рублей, и в данный момент проходили работы по подъему всего ценного на поверхность.

Кстати, деятельность экспедиции Михаила являлась неплохой иллюстрацией нашей экономической политики. В возне вокруг «Санта-Паулы» принимало участие чуть меньше ста человек, а на прибыль от их работы уже сейчас можно было закупить такое количество зерна, для выращивания которого на наших полях понадобилось бы не меньше пяти тысяч рабочих, а то и все десять. И ведь это был первый из семнадцати затонувших на доступных глубинах кораблей, месторасположение которых я знал.

В силу чего достижение Австралией продовольственной независимости хоть и оставалось задачей государственной важности, но выделять на нее людские ресурсы предполагалось чуть позже.

Наконец, на Земле в это время существовала еще одна империя. По экономической мощи она, пожалуй, превосходила всю Европу, вместе взятую, но ухитрялась этого никому и никак не показывать. Причем вроде все было как положено. Население неуклонно росло и жило не так чтобы уж совсем плохо, имела какая-то армия, империя потихоньку расширялась во все стороны. Но представителей любых прочих государств в ней рассматривали как людей второго сорта, у которых настоящему китайцу учиться просто нечему. Зная, что будет происходить в ближайшее по историческим меркам время, мы решили потихоньку вмешаться.

Сейчас в Китае правила династия Цин, и она целеустремленно вела дело к изоляции Китая. Хоть объемы внешней торговли пока не падали, постоянно сокращалось число мест, откуда она могла производиться. За этим направлением у нас присматривал филиппинский купец Гонсало, сделавший неплохое состояние на поставках китайского шелка и не желающий в будущем лишиться такого источника дохода.

Правда, тут имелась небольшая тонкость, совершенно неважная для нас, но существенно осложнявшая жизнь англичанам. Дело было в том, что китайцы не желали покупать никаких промышленных товаров из Европы, и вся торговля шла за золото, серебро и драгоценные камни. Но пытливая человеческая мысль способна преодолеть любые преграды, так что один не в меру предприимчивый английский купец уже догадался предложить китайцам опиум, хотя в моих источниках было написано, что подобные вещи начнутся только в конце восемнадцатого века. Не тратя времени на выяснение, с чего оно вдруг так получилось, мы просто чуть добавили почтенному Гонсало денег и дали неофициальное разрешение тайком закупить десяток пятидесятимиллиметровых пушек, а дальше он прекрасно справился сам. Ну пираты же кругом, что с ними сделаешь! В общем, весь экипаж перевозящего опиум корабля оказался вырезан, сама посудина сожжена, и до всех заинтересованных лиц дошли слухи, что так будет с каждым, кто вздумает возить хоть что-нибудь подобное. Филиппинскому купцу были совершенно ни к чему конкуренты, а нам — торговцы наркотой, все равно, откуда и куда они тащат свою отраву.

Вряд ли Вильгельм в ближайшее время поднимет эту тему — ведь официально Австралия тут ни сном ни духом. Но если все же заинтересуется, я скажу, что есть у австралийцев такая маленькая слабость — ну не переносят они наркотиков. А так как деньги пока в опиумном бизнесе крутятся совсем небольшие, то вряд ли король пожелает углубляться в эту скользкую тему, портя тем самым отношения с выгодным кредитором и ставя под удар поставки оружия.

Ибо наша империя, как и положено великой державе, уже пять лет имела свой государственный банк, директором которого был его святость Викторий Второй, а вице-директором с правом утверждающей подписи — его сиятельство обер-барон Моисей Ротшильд. Причем и Людовик, и Вильгельм уже были должны этому банку шестизначные суммы в австралийских рублях, одной из самых устойчивых валют мира.

Разумеется, никто из нас не надеялся, что по этим долгам с Австралией когда-нибудь расплатятся, — так и давали мы деньги вовсе не затем, чтобы в далеком будущем получить свое золото обратно, но с процентами. Нет, тут работали несколько иные соображения.

Во-первых, процентные выплаты шли продовольствием и промышленными товарами, не производимыми в нашей империи. А во-вторых, участвующие в этой программе торговые дома могли получить от нас сертификат, дающий право на освобождение от налогов! Это было условие, которое мы выставили при предоставлении займов, и оба короля с ним письменно согласились.

В результате цены на перевозки не просто упали. Они рухнули до какой-то еле заметной мелочи, а один французский купец на полном

серьезе даже предлагал доплатить за то, что будет возить товары по программе обслуживания кредитов. Кроме того, упали цены и на сами товары, хоть и не так сильно. Наконец, в Англии и Франции потихоньку начала формироваться прослойка наших агентов влияния, причем работающих не за тайком и по ночам получаемые тридцать сребреников, а бескорыстно, то есть исключительно в собственных шкурных интересах.

Однако обзор международной обстановки будет неполным, если не упомянуть государства, вдруг совершенно неожиданно обнаружившегося у нас под самым носом.

Полтора года назад с дирижабля, летавшего над Тасманией, была замечена деревня аборигенов неподалеку от берега, и мы отправили туда патрульную яхту на предмет познакомиться. Вражды тасманийцы не проявили, наоборот, приняли нашу делегацию довольно радушно, и где-то недели через две взаимное изучение языков достигло такого уровня, что стали возможны разговоры на общие темы. И нашим послам сообщили, что всеми племенами на острове правит какой-то местный царек, то есть у них тут уже давно не первобытное общество! Что охотиться, ловить рыбу, рубить лес и рыться в земле здесь можно только с его, царька, разрешения. Зовут местного монарха Вельсар Туки-Пуки, и два последних слова его имени можно перевести как «непобедимый». Вот ведь не было б печали! И главное, почему во всех источниках про историю Тасмании ничего подобного не упоминалось? Или историки тут сели в лужу, или это как-то связано с нашей деятельностью, решили мы с Ильей. Но всерьез заняться разяснением данного вопроса пока не получалось из-за отсутствия свободных людей: ведь дипломатов нам хронически не хватало и для куда более интересных стран. Так что установление тесных связей с ближайшими соседями пока откладывалось — нам они повредить не в силах, а ничего такого особо ценного на их острове нет.

ГЛАВА 3

«Молния» и «Катя» появились у архипелага Силли только в начале августа. А через два дня, выгрузив запчасти для дирижаблей и дав небольшой отдых на твердой земле пассажирам-легионерам, в сопровождении «Врунгеля» двинулись к Гибралтару.

Перед входом в Средиземное море наша эскадра перестроилась — теперь лидером стал мой крейсер. Просто здесь вообще-то могли водиться марокканские и алжирские пираты, так что вперед вышел самый хорошо бронированный и мощно вооруженный корабль.

В принципе я ничего не имел против встречи с морскими разбойниками. Ибо при их оценке обязательно надо учитывать, кого они грабят. Если кого не надо, то это действительно очень плохие люди, и общаться с ними лучше всего при помощи корабельной артиллерии с дистанций, исключающих ответный огонь. Если кого надо — наоборот, очень хорошие, которым в принципе не возбраняется даже чем-то слегка помочь, деньгами или там оружием. Ну а если упомянутые джентльмены грабят всех подряд, это означает, что в их многогранных натурах сочетаются как хорошие, так и отвратительные стороны.

Но ни марокканских, ни алжирских пиратов нам почему-то не повстречалось. Однако, когда мы прошли уже половину пути по Средиземному морю и приближались к Мальте, встретились тунисские. Причем они повели себя так, что мне сразу захотелось поближе познакомиться с этой братией.

Одним прекрасным утром, когда я только что позавтракал и соображал, чаю мне выпить или кофе, вахтенный увидел движущуюся наперерез нашей эскадре небольшую галеру. Вообще-то она не успела бы перехватить нас — слишком мала была ее скорость, но мне стало любопытно. Явно это не нападение, потому как приближающаяся посудинка не могла нанести никакого вреда даже клиперам, не говоря уж о «Врунгеле». Тем более что километра за два до встречи галера подняла флаг с перевернутой буквой «п» и кругом в ее центре на белом фоне. По принятому два года назад международному своду сигналов это означало «имею исключительно мирные намерения». В бинокль же я убедился, что обе пушечки галеры аккуратно обмотаны какими-то тряпками, то есть зачехлены.

Какое посудинка подошла чуть ли не вплотную и даже собралась было пришвартоваться к высокому борту «Врунгеля», но ей не дали, в мегафон велел не подходить ближе чем на пятьдесят метров и спустить шлюпку. Визитеры подчинились, и вскоре я беседовал с капитаном Абдуллой аль Хабибом. Кстати, он действительно здорово напоминал Абдуллу из «Белого солнца пустыни».

Первым делом собеседник сообщил мне, что все, желающие спокойно плавать по Средиземному морю, платят дань тунисскому бею Хусейну бен Али. В том числе генуэзцы, испанцы, португальцы и даже французы с австрийцами. Пока я размышлял, что будет правильнее — просто вышвырнуть гостя за борт и мирно продолжать путь или перед этим все-таки маленько пострелять, — капитан успел уточнить свою позицию:

— Но мы, разумеется, далеки от кощунственной мысли требовать денег от державы, чьи корабли столь быстры и великолепно вооружены. Однако, будучи наслышан о великодушии господ австралийцев, великий бей отправил меня выразить им свое почтение и

извиниться, что не смог подготовить достойных таких гостей подарков, ибо они появились слишком внезапно.

Тут я вызвал вестового, велел принести кофе и пирожных, а гостю предложил не стесняться и поподробнее рассказать о целях, которые привели его на борт «Капитана Врунгеля».

Вскоре выяснилось, что если рассматривать суть проблемы, то это банальная зависть. Именно с таким чувством тунисцы наблюдали за возрождением своих давних конкурентов, рыцарей Мальтийского ордена, чьи успехи они связывали с получением мощной финансовой поддержки от Австралии.

Надо сказать, что мы действительно ссудили иоаннитам сначала сорок тысяч, а потом еще сто двадцать, ну и просто подарили какую-то мелочь, величину которой я к сему дню благополучно забыл. Но слухи-то ходили про миллион, если не больше! Причем, естественно, в австралийских рублях.

В общем, магистр ордена иоаннитов сумел не только распустить слухи об огромных суммах, но и эффективно ими воспользоваться, благодаря чему сейчас Мальта имела хоть и небольшой, но вполне современный флот, а не так давно начавшаяся война подкинула ему работы, что благотворно сказалось на экономике острова рыцарей.

И теперь, значит, тунисцы, которые до сих пор были сложными натурами, сочетающими в себе достойные как уважения, так и порицания черты, присмотрелись к успехам соседей и решили тоже стать хорошими пиратами. Собственно, целью миссии капитана Абдуллы и было узнать, что для этого нужно.

Наша плодотворная беседа продолжалась до трех часов пополудни, причем я узнал немало нового. Например, оказалось, что Тунис год назад официально обрел независимость. До этого там была гражданская война, по результатам которой бывший кавалерийский генерал Хусейн бен Али объявил себя великим беем, Тунис — суверенной страной, а турецкого султана — всего лишь духовным лидером правоверных, и не более того. То есть сидел этот бей на троне сравнительно недавно, не очень прочно и посему сильно нуждался в деньгах и оружии.

В принципе, разумеется, я ничего не имел против того, чтобы помочь только что обретшей свободу стране, но тут следовало учесть одну тонкость. Нельзя прямо сразу на халяву давать денег тем, кто только этого от тебя и ждет! Это можно делать только в отношении того, для кого подарок будет полным сюрпризом. Например, магистр ордена иоаннитов совершенно не ожидал ничего подобного, почему и получил в первый же визит довольно значительную сумму. По его, разумеется, понятиям значительную, но это уже другой вопрос.

Поэтому я сразу сказал, что австралийцы, конечно, люди щедрые, но вот так прямо сразу осыпать золотом неизвестно кого не привыкли. После чего поинтересовался, как тунисцы относятся к осман-

ским кораблям, — ведь султан все-таки не кто-нибудь, а духовный лидер. Разумеется, имеются в виду не все, а только те, чьи хозяева имели недалёковидность каким-то образом пакостить купцу Хамону. Почтенный Ицхак оказался весьма трудолюбив по части кляузничества, и благодаря его неустанным усилиям у меня имелся обширный список лиц, мешающих развитию австралийской торговли в Средиземноморье.

Абдулла въехал в ситуацию с полуслова и разразился речью, суть которой состояла в констатации общеизвестного факта — если нельзя, но очень хочется, то можно, только это обойдется несколько дороже.

Где-то часа за полтора мы пришли к согласию относительно расценок. Договорились, что до нашего возвращения из России подданные великого бея будут работать на инициативных началах, а мы на обратном пути оплатим результат и уточним размер, а также условия кредита на развитие молодого государства.

Далее я пояснил Абдулле, что многие из подлежащих вразумлению лиц занимаются торговлей живым товаром. Так вот, захваченным рабам следует предлагать работу на рытье Суэцкого канала, где через два года они получают свободу — разумеется, при условии выполнения норм. А потом смогут идти куда хотят или продолжать трудиться там же, но уже за деньги, дабы заработать на путь домой или в Австралию, если кому это покажется предпочтительней.

Строительство канала началось еще в четвертом году, но к собственно земляным работам приступили только восемь месяцев назад. До этого мы завозили оборудование и строили опорные пункты для обороны от беспредельствующих в районе будущего канала мамелюков. Когда-то очень давно это была привилегированная египетская гвардия, но к началу восемнадцатого века она основательно выродилась. Теперь мамелюки развлекались периодическими бунтами, в промежутках между которыми просто грабили кого ни попадя. Гарнизоны опорных пунктов состояли из эфиопских добровольцев, вооруженных барабанными винтовками, легкими пятидесятимиллиметровыми пушками и пулеметами. Тоже барабанными, но все же не такой кошмарной конструкции, что мы поставляли европейцам. С воздуха им оказывал поддержку дирижабль «Йон Тихий», базирующийся в городке Асмара, которому, может быть, когда-то придется стать столицей независимого государства Эритрея. А может, и не придется, сейчас уже ничего утверждать нельзя.

В общем, эфиопы успешно обороняли трассу канала от мамелюков, а мы завезли взрывчатки и в прошлом году начали земляные работы. Проводка шла от Красного моря, и к настоящему моменту было прорыто около шести километров.

Что интересно, почти половину работающих на канале составляли негры с западного побережья Африки.

Если кто помнит, лет шесть назад мы повстречали в океане интересных людей, которые сразу показались мне идейными борцами с рабством. Я донес до них свое видение ситуации, и они, осознав, о каких суммах может идти речь, тут же согласились, что рабство — это ужасно и борьба с ним есть долг всякого уважающего себя джентльмена. И приступили к его искоренению. Но почти сразу проявилась несколько осложнившая дело тонкость. Выяснилось, что далеко не все освобожденные рабы горят желанием вернуться в Африку, куда их доставляли корабли тогда еще капитана Даути! Ведь только небольшая часть из них являлась военнопленными, а основную массу продали свои же, как лишних и ни к чему не пригодных. И они сильно подозревали, что в родных местах их просто сожрут, причем в самом что ни на есть прямом смысле слова. Или в лучшем случае снова продадут кому-нибудь, предварительно сильно побив, в чем потенциальные объекты подобных действий тоже не видели ничего хорошего.

Так что многие из них предпочли катать тачку на Суэцком перешейке — ведь там почти не бьют и неплохо кормят. Кроме того, было обещано, что по окончании строительства некоторым будет разрешено перебраться на жительство в сказочную страну Австралию. Где никто никого не ест, работать надо всего по девять часов в сутки, а платят за эту работу столько, что оставшиеся в тех сутках пятнадцать часов можно будет только жрать, не отвлекаясь ни на что другое. Но разумеется, такое будет позволено далеко не всем, а только тем, кто продемонстрирует на рытье канала должный трудовой героизм.

Ну а Даути к настоящему времени уже именовал себя адмиралом, имел под командованием эскадру из пяти кораблей и оперировал не только в Атлантике, но и в Индийском океане, где ему тоже нашлось немало работы. Кроме того, у борцов за права человека имелась база на небольшом островке Европа, расположенном между Мадагаскаром и Африкой.

Вечером вдохновленный грядущими перспективами капитан Абдулла нас покинул, и эскадра продолжила свой путь на восток. Причем если в первую половину пути мы вообще никого не встретили, то теперь в море стало довольнолюдно. И весь этот народ увлеченно собачился друг с другом при помощи не только огнестрельного, но временами даже холодного оружия. Например, как-то раз я долго и с немалым изумлением рассматривал в бинокль небольшое гребное суденышко, вооруженное совершенно явной катапультной. Или баллистой, я не силен в средневековых швырятельных приспособлениях. У меня даже была мысль свернуть и поближе познакомиться с этим чудом техники, но от нее пришлось с некоторым сожалением отказаться: все-таки нехорошо опаздывать на свадьбу.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМИГРАНТЫ	7
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА	221
ЭРА НАДЕЖД	439